

Ольга Громыко

Белорские Хроники

Не попавши в летопись — крепись,
а попавши — держись!

Белорийский цикл

Ольга Громыко

Белорские хроники

«Автор»

2008

Громыко О. Н.

Белорские хроники / О. Н. Громыко — «Автор»,
2008 — (Белорийский цикл)

ISBN 978-5-9922-0121-5

Широка земля Белорская, и во все времена есть в ней место подвигу!
Или хотя бы веселой байке. Стоит ли доверять гороскопам? Так ли безобидны
младенцы? Продается ли удача? На что ловят некромантов? Как избавиться
от конкурента? Что сильнее: магия, вера или дубовый дрын? Где водятся
кентавры? Чего боятся боевые маги? Всевидящи ли пифии? Хотите
получить ответ на эти вопросы, а также встретиться со старыми друзьями
и познакомиться с новыми? Тогда эта книга для вас!

ISBN 978-5-9922-0121-5

© Громыко О. Н., 2008

© Автор, 2008

Содержание

Гороскопчик	5
Нелетописное	8
Узелок на удачу	20
Один к двум	32
Капкан для некроманта	47
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Ольга Громыко

Белорские хроники

Гороскопчик

– Спит он, – в шестой раз повторил помощник астролога, здоровенный детина, способный безо всякой булавы вышибить из назойливого посетителя звезды средь бела дня. Вежливость, к которой вынуждало благородное происхождение (а пуще того – двуручный меч) гостя, заставляла детину поминутно чесаться, вздыхать и переминаться на месте, чтобы хоть как-то занять мышцы.

– Как – спит?! Мы же уговорились! С восходом солнца!

– Дык... – Помощник зевнул, распахнув рот до самого желудка. Рыцарский конь испуганно топнул копытом. – Умаялся. Всю ноченьку на звезды взирал, дабы не пропустить ни одного движения... ик!.. небесных тел.

Гость перевел взгляд на черный вход, из которого как раз выпархивало одно из оных: краснощекое, растрепанное, на ходу пытающееся поглубже упихать в корсаж пышные груди.

– Я же ему авансом заплатил!

По опухшей роже помощника было видно, что денежки клиента потрачены с толком.

– А гороскоп, гороскоп-то он составил?!

– Да вроде валялось чевой-то, – сжалилась над рыцарем бабулька-служанка, неспешно шуршавшая веничком как по полу, так и по гостевым креслам. – Вона на столе с краешку...

– Подай сюда! – требовательно протянул руку гость.

Помощник вздохнул, но перечить благородному господину не посмел. Шаркая ногами по только что сметенной в кучку пыли, детина доплелся до стола и так же неспешно вернулся обратно.

Рыцарь нетерпеливо выхватил у него пергамент, сорвал и бросил на землю золоченую ленточку. Да, оно! В верхнем правом углу крупно выведено: «для господина Мельрика», и дальше – добрых три локтя убористого текста. «Гы... го-ро...скоп, составлен... си... седьмого дня месяца ве... ви...»... а, чтоб тебя! Конь переступил на месте, и забрало с лязганьем защелкнулось. Да и вообще, не рыцарское это дело – чтение! К тому же на улице, в седле и второпях.

– Читай, – надменно велел Мельрик, сунув пергамент помощнику, уже наострившемуся захлопнуть дверь.

– Но, господин...

– За те деньги, что я вам, прохвостам, заплатил, – рявкнул рыцарь, – вы мне поэму должны были сложить и под лютню с дудкой исполнить, а не корябать на гнилом обрывке кожи, как хромая курица лапой! (Тут Мельрик погорячился – пергамент был дорогой, шаккарский, с вензелями по углам.)

Детина вжал голову в плечи, поспешно развернул свиток, взгляделся и начал нараспев, только что не в упомянутых стихах, читать:

– «Солнце в вашей астральной карте находится в знаке Писца, что указывает на предусмотрительность, ответственность и эмоциональную бесстрастность... В момент вашего рождения Волчий Глаз находился в самой низкой точке над горизонтом, как бы переходя от спуска к подъему, что дает большую вероятность развития мании величия или как минимум склонность к самообману и безудержное стремление к роскоши, но если к вам придет осознание необходимости служения человечеству в соответствии с небесными законами...»

Минут пять Мельрик напряженно слушал, потом сообразил, что до конца еще далеко, а глаза уже съезжаются к носу.

– О себе я и сам все знаю, – прервал он чтеца. – Ты давай сразу скажи: благоприятный ли сегодня день для совершения подвига?

– Благоприятный, – изучив пергамент, заявил помощник. – Особенно с девяти утра и до трех пополудни, ибо в это время звезды сложатся в исключительно полезный знак...

Рыцарь облегченно выдохнул и до скрипа стиснул кулаки в латных перчатках. Дитина вздрогнул и поспешно добавил:

– Но ваши начинания увенчаются успехом, только если вашими помыслами будут править любовь и вера в чудеса!

Мельрик презрительно фыркнул: любовь с верой и так никогда его не покидали, о чем гласил выбитый на щите девиз. Рыцарь бросил на землю мелкую монетку, развернул коня и, забыв забрать свиток, помчался к городским воротам.

Дитина осуждающе покачал головой, поднял серебрушку и захлопнул дверь.

* * *

Лучше бы, конечно, звезды обождали со своими знаками до вечера: солнце припекало все сильнее, а утомлять коня до поединка не хотелось, так что плестись по пыльной дороге предстояло еще часа два.

На опушке леса, с другой стороны которого находилось село, рыцарь спешил и обмотал конские копыта тряпками, а шлем взял под мышку, прижав клацающее забрало локтем. О нет, у него и в мыслях не было подкрасться к спящему дракону, дабы предательски пронзить его копьем! Мельрик скорее бросился бы на собственный меч, чем так запятнать рыцарскую честь.

Зато проклятый ящер вел себя исключительно подло, то бишь не воровал овец, а платил за них полновесными кладнями, причем выше рыночной цены. Поэтому драконья проблема усугублялась местным несознательным населением, которое уже отколошматило дубьем троих претендентов на подвиг.

Остановившись подле высокого холма, рыцарь наскоро привел себя и коня в порядок, влез в седло, положил меч поперек коленей, поднял фамильный рог и, мысленно помолившись богам и звездам, поднес его к губам.

Звук вышел высокий и писклявый: не то рог с годами отсырел, не то дудеть надо было умеючи.

Впрочем, это было уже неважно. Из пещеры ртутной струйкой выскользнул темно-медный в золотую жилку дракон. Не очень крупный, но это смотря с чем сравнивать. Если с рыцарем – то очень даже.

– Это ты – мерзкая кровожадная тварь, держащая в страхе всю округу? – высокомерно поинтересовался Мельрик, как велел рыцарский обычай.

– Нет, я прекрасная непорочная дева, – ехидно отозвался дракон, с удовольствием потягиваясь и разминая крылья. – Зачарованная злым колдуном.

Из пещеры донеслось сдавленное хихиканье.

– Ну, дерзай, мой рыцарь! – кокетливо добавил ящер, пригибая голову к земле и нетерпеливо виляя хвостом, как пес в ожидании подачи. – Я вся твоя.

Мельрик был человеком прямолинейным, о чувстве юмора имел весьма смутное представление, а гулкий шлем искажал интонацию собеседника до неузнаваемости. А уж в свете гороскопа...

Рыцарь спешил, церемонно опустился перед драконом на колено, взял чешуйчатое рыло в ладони, зажмурился и благоговейно поцеловал прямо в губы.

Глаза ящера полезли на лоб. Дракон шарахнулся, сел на собственный хвост и суматошно заскреб лапами, отползая от извращения. Упершись в холм, ящер вздрогнул, оглянулся и наконец вспомнил, что умеет летать. Развернув крылья и подпрыгнув, он без оглядки помчался прочь, отплеываясь черным пламенем.

Из пещеры с опаской выглянула дева. Уже не шибко непорочная, но все еще вполне прекрасная. Она изумленно сощурилась на тающее в дали небес пятнышко, и ее искусно нарумяненное-набеленное в нужных местах личико исказилось от злости.

– Прохиндей! Жулик! Ящерица криволапая! Чтоб тебе повылазило, нет, поотпадало! А... хм?

Мельрик продолжал стоять на коленях, с закрытыми глазами и вытянутыми вперед руками, ожидая результата.

Дева пригляделась, профессионально оценила стоимость меча и породистого коня, а также фамильный герб на его чепраке. Задумчиво покусала губу, потом погрозила небу кулаком, решительно подошла к рыцарю и постучала по его шлему костяшками пальцев.

– О, благородный незнакомец! Вы спасли меня от этой сволю... ужасной участи. Как мне вас отблагодарить?

Мельрик с надеждой открыл один глаз, потом другой и просиял. Рассыпавшись в комплиментах, он посадил даму в седло и, чуть не лопааясь от гордости, направил коня к городу.

Прекрасная дева держала рыцаря за талию (пару раз украдкой «соскользнув» рукой и пощупав пониже) и прикидывала, как обставить первую брачную ночь с наименьшим скандалом.

* * *

Астролог вспомнил о Мельрике уже поздним вечером, когда обнаружил упавший со стола и закатившийся под кресло свиток с гороскопом.

– Эй! – изумленно окликнул он помощника. – А этот, как его, чернявый такой... господин Мельрик... разве не заходил? Вчера ж заплатил за срочность втридорога.

– Заходил, – хмыкнул тот. – С утраца, вы еще почивать изволили.

– Чего ж ты ему свиток не отдал?

– Дык я... того... – Дитина потупился. На трезвую голову утренняя шутка уже не казалась ему такой забавной. – На словах все обсказал.

– И каким же образом, дурень? – охнул астролог. – Ты ж читать не умеешь!

– А чаво там читать, – пожал плечами помощник. – Что я, мало вас за эти пять лет наслушался? Наплел ему про положения всяческие, про Писца с небесными домами...

Хозяин от души отвесил ему затрещину.

– Да ты вообще соображаешь, олух, что наделал?! Судя по звездам, этому Мельрику сегодня вообще из дома выходить не следовало! А он к дракону собирался, чуешь – к дракону! Тому самому, что дураков покалечил больше, чем у тебя, образины, пальцев! Лишил нас такого выгодного клиента, дубина! Ну дура-а-ак...

Помощник покаянно сопел.

Звезды ехидно подмигивали с небосвода.

Нелетописное

– А вот гляньте, господа хорошие, на сию пакость, тьмы отвратное порождение! – над- рывался ярмарочный зазывала у входа в перекошенную палатку из грязной холстины, опасно вихляющейся на ветру.

Проходящий мимо маг брезгливо сморщил нос. Доносящаяся из палатки вонь наводила на мысль о платной уборной, причем для весьма неприхотливых (или очень страдающих) посе- тителей.

Тем не менее желающие «глянуть» все-таки находились. Сначала за услужливо отдерну- тый полог прошла и почти сразу же с оханьем выскочила толстая баба, беспрерывно осеняющая себя крестным знамением. Потом с медяками рассталась парочка сорванцов – эти задержались подольше, одного даже пришлось выволакивать за ухо, чтобы освободить место для следую- щего зеваки.

– А вот кому охота с самой что ни есть близи на монстра лютого полюбоваться, в буркала его злобные плюнуть?

«Нет, не сортир, – рассеянно подумал маг, высматривая нужную ему лавку. – Видно, какую-то нежить изловил и показывает – упыря или мроеда. За время войны их много рас- плодилось, работы для практиков невпроворот, даже адептов-старшекурсников приходится для зачисток привлекать. Ох, долго нам еще эту кашу расхлебывать... поздно спохватились».

– Заходите, люди добрые, не пожалеете! – орал зазывала. – Тварь страсть как лютая, гнусная и коварная, самого каждый раз аж оторопь берет!

Дальше маг уже не прислушивался, наконец-то заметив молочный ряд. Выбрав самую опрятную и располагающую бабку, он, не торгуясь, купил у нее ковшик свежего козьего молока («токо-токо сдоила, ишшо тепленькое!»), аккуратно перелил во флягу на поясе и прямым направлением к выходу, торопясь вернуться на постоянный двор, где час назад снял комнату на ночь.

Обратная дорога лежала мимо все той же вонючей палатки. Собственно говоря, «мимо» оно «мимо» и есть, но в этот самый момент зазывалу угораздило выпустить край полога из рук. Ветер немедленно задрал его выше крыши, позволив случайному взгляду мимоходом скольз- нуть внутрь.

Маг споткнулся от неожиданности. Резко развернулся, рывком отдернул только что воз- вращенный на место полог и, невзирая на возмущенное верещание зазывалы, шагнул внутрь, игнорируя протянутую за платой ладонь.

В низкой клетке из намертво склепанных железных прутьев – маг не заметил даже дверцы – сидел, скорчившись, вампир. Голый, грязный, покрытый синяками и ожогами, исто- щенный до такой степени, что его тело уже перестало регенерировать. Да что там – он даже крылья не мог свернуть, и они неряшливыми кожаными лоскутами висели вдоль спины. Попе- рек груди, точнее – выпирающих ребер, тянулся широкий багровый рубец. Одну, самую страш- ную рану вампир успел-таки затянуть, но не срастить до конца. Видимо, из-за нее людям и уда- лось захватить его в плен.

Война только-только закончилась, скрепленный печатями мирный договор торжественно зачитали на всех площадях, но разгоряченные, едва вошедшие во вкус люди продолжали тре- бовать крови, недоумевая, почему им не дали раз и навсегда истребить распроклятых тварей.

И поэтому израненное существо заживо заклепали в клетку и оставили умирать без воды и еды, в собственных нечистотах, на потеху охочей до зрелищ толпы. Сколько он тут уже сидит? Две недели? Месяц? Вампиры очень живучи, а этот, хоть и не светловолосый, явно участвовал в боях. Страж?.. Похоже на то.

Когда маг носком сапога постучал по одному из прутьев, вампир даже не повернул головы.

– А вы его каленым железом ткните, – услужливо посоветовал зазывала, все еще надеясь на мзду. – Вона прут в горшке с угольями торчит!

Так вот откуда ожоги.

Маг со свистом выпустил воздух сквозь стиснутые зубы, пристально уставился на клетку и резко развел руками.

Вампир настолько обессилел, что даже не шевельнулся, когда прутья одной из стенок с натужным скрипом отогнулись вверх. Глаза у него были открыты, но так безучастно смотрели в пустоту перед собой, что маг только покачал головой. Нагнувшись, он подцепил вампира под мышки и выволок из клетки. Зазывала вылетел из палатки, словно подхваченный ветром. Маг с трудом удержался, чтобы не швырнуть ему вслед с пяток молний, но ограничился смачным проклятием. Обтянутый кожей скелет оказался неестественно легким, чуть теплым и так заоченел в скрюченной позе, что магу стоило немалых усилий ровно уложить его на своем плаще и быстро, пока короткий ворс еще хранил тепло владельца, закутать. Нашаренная на шее жилка слабо, неровно пульсировала, и маг, вскинув длинный сверток на плечо, поспешил к выходу.

Там уже собралась небольшая толпа, возглавляемая заметно осмелевшим зазывалой.

– Вот он, колдун проклятый, который упыря на свободу выпустил и вместе с ним драпать собирается! – завопил он, с безопасного расстояния тыча в мага выдернутым из частокола дрыном.

Предпочтения остальных разделились между колями и булыжниками, хотя маг с презрением заметил двух рыцарей с мечами и одного дайна (пока, впрочем, мнущегося с краешку и просто прислушивающегося). Прочие расы отводили глаза и торопились поскорее миновать место назревающей потасовки, чтобы самим не подвернуться под руки разгоряченной толпе.

Маг мог пустить в ход боевые заклинания, что почти наверняка закончилось бы не одним десятком трупов и долгим судебным разбирательством, а то и тюрьмой. Мог трусливо и, увы, безрезультатно заорать «Спасите, убивают!», ибо городская стража и так прекрасно видела, что происходит на ярмарочной площади, но вмешиваться не спешила. Мог, в конце концов, с досадой бросить свою ношу под ноги главному зачинщику и, воспользовавшись возникшей суматохой, открыть одиночный телепорт и перенестись прямо на постоянный двор, а уж оттуда поскорее дать деру из городка, ибо обманутая толпа наверняка кинулась бы его искать, по дороге разбухнув в несколько раз.

К счастью, в Совет Ковена Магов дураков не брали.

– Верно, – бесстрастно подтвердил маг, – я колдун. И властью, данной мне Ковеном и его величеством королем Васаром Седьмым, конфискую эту тварь для алхимических опытов. Разумеется, ее владельцу полагается денежная компенсация, а мною лично выражается горячая благодарность за содействие в поимке этого монстра.

Маг вытащил из кармана увесистый мешочек и протянул его зазывале. Любопытство и алчность перевесили. Зазывала, уже жалея, что втянул в свои коммерческие дела столько народу, отвел руку с колом, другой сграбастав кошель. Увы, как только мужик попытался ознакомиться с его содержимым, дно мешочка прорвалось и под ноги толпе хлынуло мелкое, но оттого не менее соблазнительное серебро. О вампире и колдуне тут же позабыли. Люди побросали свое немудреное оружие и попадали на колени, торопясь сгрести побольше уличной грязи вместе с поблескивающими в ней монетками. Горестные вопли зазывалы уже не вызывали в народе ни малейшего сочувствия; незадачливого мужика безжалостно оттерли на задний план, так что ему осталось только бегать вокруг образовавшейся куча-малы и рвать на себе волосы от досады.

Маг же спокойно развернулся и, провожаемый хмурым взглядом дайна, беспрепятственно дошел до ярмарочной коновязи, не спеша расплатился с конюхом, вскочил на смиренную гнедую кобылу и был таков.

* * *

Первые (и, судя по всему, последние) признаки жизни вампир начал подавать только в лохани с горячей водой – шевельнулся, в беззвучном стоне раскрыл пересохший рот и попытался поймать текущие по лицу струйки. Маг отвязал от пояса флягу и, придерживая вампиру голову, помог сделать несколько захлебывающихся глотков, пока тот снова не потерял сознание.

Обрабатывать и перевязывать многочисленные раны не было смысла, так что маг просто вымыл умирающего и, закутав в одеяло, положил на кровать. Задумчиво поглядел на предсмертно заострившееся лицо, по цвету не отличающееся от серой застиранной холстины, и, вздохнув, полез в сумку за коротким обрядовым кинжалом.

* * *

Эту ночь, как и две предыдущие, маг спал урывками, все больше проникаясь глубочайшим уважением к Катиссе Лабской, заслуженному магистру второй степени по боевой магии, одновременно с практической деятельностью умудрившейся трижды побывать замужем и вырастить двоих детей. Теперь, по крайней мере, он не удивлялся, почему у нее такой мерзкий характер!

Когда на рассвете маг наконец-то сумел выкроить пару минут и для вампира, тот лежал уже на животе, повернув голову к стене. Дыхания не было слышно, но у мага отлегло от сердца: умирающие не устраиваются поудобнее и уж тем более не кидаются на склонившегося над постелью человека. Впрочем, второе доказательство вампирьей жизнеспособности мага отнюдь не порадовало. Сцепившись, мужчины покатались по полу. На счастье человека, его противник был еще слишком слаб, иначе с легкостью оторвал бы ему голову, не утруждаясь удушением. На счастье вампира, колдовать, когда тебя довольно-таки качественно душат, не слишком удобно.

Силы были примерно равные, но стальная хватка на горле внезапно ослабла, и маг, слепо отбрыкиваясь, отполз в сторону, лихорадочно пытаясь сосредоточиться на формуле нужного заклинания. Однако оно уже не понадобилось.

– С-сволочь... с-с-котина неблагодарная, – прохрипел человек, дрожащей рукой ощупывая горло. Тяжело дышащий, привалившийся к противоположной стене вампир исподлобья зыкнул на него, искривил губы в презрительной гримасе: «Скажи спасибо, что вообще отпустил!», но неожиданно, пусть и неохотно, выдал:

– Извини.

Голое тело по-прежнему мало отличалось от скелета, но ожоги исчезли, а от шрама осталась узкая белесая полоса. Маг глянул на дрожащего, кутающегося в крылья вампира, и злость разом схлынула.

– Вставай, – со вздохом велел человек, сам не без труда поднимаясь на ноги. Горло болело, словно после неудачного самоубийства с обломившимся суком, в только-только зажившем запястье пульсировала тупая боль. – И возьми у меня в сумке запасные штаны. Насчет рубашки не уверен, но вроде бы клал. А я пока за завтраком схожу.

* * *

Когда маг вернулся с полным подносом, вампир, уже одетый, сидел на краю кровати, зябко обхватив плечи руками. Но при виде еды мигом оживился, накинувшись на нее с волчьей прожорливостью. Маг даже постыдился намекать, что одну из тарелок он принес для себя. Только осторожно поинтересовался:

– Тебе плохо не станет?

Вампир, не прекращая жевать, отрицательно помотал головой. И лишь когда последняя корочка хлеба исчезла в заметно оттопырившем рубаху животе, а пальцы были тщательно облизаны, маг удостоился пристального, испытующего взгляда.

– Что тебе надо от меня, человек?

– Ничего, – слегка покривил душой маг. Тогда, на рынке – и в самом деле ничего, но неожиданный поворот судьбы так чудесно вписывался в его намерения, что грех было им не воспользоваться. Вампир скептически приподнял правую бровь:

– Тогда чем обязан такой... хм... заботе?

– Случайно мимо проходил.

Вампир горько усмехнулся:

– Что ж, спасибо, что не прошел. И куда, если не секрет, направлялся?

– В Догеву, – не стал юлить маг.

– Зачем? – мгновенно насторожился вампир.

И тут из стоящей на стуле корзины донесся сонный всхлип, а за ним – писклявый младенческий плач.

– Что, опять?! – обреченно простонал маг, однако без промедления кинулся на выручку-проверку. – Ну точно! Где ж я на тебя столько тряпок напасусь, а?

Вампир заинтересованно (не каждый день увидишь боевого мага, сосредоточенно приноживающегося к младенческим пеленкам!) подошел поближе.

– Твой?

– Ваш. – Маг вытащил из сумки чистую тряпку и бережно, хоть и неуклюже перепеленал ребенка, особенное внимание уделив куцым серым крылышкам, так и норовившим завернуться под неправильным углом.

– Но он же... – Вампир, охнув, не то опустил, не то осел на колени перед корзиной.

– Вот именно.

Если традиционно голубые глаза младенца уже начинали потихоньку сереть, то волосы, похоже, окончательно определились с цветом. Золотисто-льняной.

– Повелитель... – благоговейно прошептал и тут же вызверился на мага вампир: – Где ты его взял?!

– Спас во время резни в приграничье. Пару месяцев мы с коллегами скрывали его в Школе Чародеев, а сейчас, когда наконец-то заключен мир, решили вернуть в долину.

– Что ж ты сразу туда не телепортировался? – недоверчиво поинтересовался вампир.

– С таким маленьким ребенком, да еще нелюд... – маг запнулся, – ...иной расы? Я не был уверен, что он благополучно ее перенесет, и не решился рисковать.

– В таком случае почему Ковен не выделил тебе отряд сопровождения? – продолжал недоумевать вампир. – Они же знают, какую ценность для нас представляет этот ребенок!

– А я его украл, – просто сказал маг. – Мои коллеги все тянули и тянули с его возвращением, мол, подождем хотя бы годик, пока все уляжется, сгладится... Но после трех покушений я подумал, что в родной долине ему будет спокойнее. По крайней мере, человеческих фанатиков и магов-ренегатов туда не пускают.

– Ты хочешь сказать, что старминские маги собирались шантажировать Догеву последней надеждой нашей долины?! – аж задохнулся от возмущения вампир.

Маг философски пожал плечами:

– Вслух они в этом не признавались, так что не думаю, что Ковен очень рассердится на мое маленькое самоуправство.

– Вслух – вряд ли, – съязвил вампир. – Знаешь, я, пожалуй, не стану злоупотреблять твоей добротой и сам отвезу ребенка в Догеву. Если же ты желаешь получить какое-нибудь вознаграждение, то изложи свои требования на бумаге, а я передам их Совету долины. И, если они в пределах разумного, то мы по мере сил постараемся их удовлетворить. Я лично за этим прослежу.

– Мне ничего не нужно, – отмахнулся слегка обиженный, но не подавший виду маг. – Но до Догевы два дня пути, причем по дороге тебе идти нельзя: люди слишком озлоблены поражением¹. Поэтому любого показавшегося подозрительным мужчину могут остановить и потребовать показать зубы, а если начнешь отпираться – без колебаний забьют камнями. По лесам же шастают мародеры, которые ради парочки монет не погнушаются напасть даже на человеческую женщину, не говоря уж о вампире.

– Я могу сменить ипостась и пойти лесом.

– А ребенок? В зубах понесешь? К тому же ему хотя бы три, а лучше шесть раз в сутки требуется свежее молоко – где ты собираешься его брать?

Аргументы показали вампиру вполне убедительными. Немного поразмыслив, он решительно тряхнул головой:

– Значит, я поеду в Догеву вместе с тобой. Мне все равно необходимо как можно скорее туда вернуться, заодно и прослежу, чтобы ты доставил ребенка куда следует.

– Не доверяешь?

– Не доверяю, – без тени смущения подтвердил вампир.

– Ну и отлично, – неожиданно усмехнулся маг. – Я, если честно, и сам хотел тебя об этом попросить. Догевских лесов я не знаю, да и не хотелось бы начинать беседу со Стражем с его предупредительной стрелы в спину. Кстати, меня зовут Ксандр.

– Ороен.

Мужчины обменялись рукопожатиями над корзинкой. Ребенок снова запищал – на этот раз от голода. Пока вампир, затаив дыхание от торжественности момента, возился с рожком, Ксандр снова спустился вниз и договорился с хозяином постоянного двора насчет найма второй лошади, заодно расплатившись за комнату и прикупив немного еды на дорогу. Нашлись у него и потрепанные, но вполне еще ноские сапоги, которые магу удалось выторговать всего за пару серебрушек – «про запас, а то мои что-то протекают стали».

Довольный Ксандр вернулся в комнату, но вручать попутчику «запасные» сапоги не торопился.

– В таком виде ты из города не выберешься. Вчера мне удалось провести толпу, но, если сегодня тебя или меня кто-нибудь узнает, нам обоим не поздоровится. Конечно, я могу изменить твою внешность, но любой мой спутник все равно вызовет подозрения и подвергнется тщательной проверке. Даже в храм для освидетельствования могут затащить, а с дайнами мы испокон веков на ножах, они только рады будут случаю подгадать конкуренту.

– И что ты предлагаешь?

Маг коротко, но доходчиво объяснил.

– Ладно. – Вампир без возражений скинул одежду, опустил на корточки и развернул крылья.

¹ Вообще-то люди победили. Но в последний момент на сторону вампиров встали прочие нелюдские расы, а также Ковен Магов, вынудившие королевские войска капитулировать. – Здесь и далее примеч. авт.

* * *

Все оказалось еще хуже, чем он думал. Толпа во главе с давешним зазывалой, не на шутку обозленным на пройдоху-колдуна, уже ждала его перед воротами. Хорошо хоть заявила она туда буквально за минуту до того, как маг, уже полностью собранный, сам вышел из дома, так что обошлось без погрома. В правой руке человек нес плетеный короб с попискивающим младенцем; слева, на крепком кожаном поводке, трусила рыжая волийская овчарка с хитрой лисьей мордой и лохматым хвостом.

Похоже, столь идиллической картинке толпа не ожидала, ибо озадаченно притихла, не мешая магу спокойно седлать обеих кобыл, пока собака терпеливо сидела над корзиной.

– А где упырь? – неуверенно вякнул зазывала, когда маг уже вывел лошадей за ворота и, нахально вручив поводья одному из мужиков (тот, опешив, покорно передал свою рогатину соседу на сохранение и взял в руки по узде), вернулся за корзинкой и собакой.

Маг даже не счел нужным снизойти до ответа. Только смерил наглеца презрительным взглядом: мол, сам не видишь, что здесь его нет?

На «упыря» или незнакомца толпа набросилась бы без колебаний, но связываться с боевым магом не хотелось никому. Народ стал переглядываться и шушукаться, так что ограбленному ярмарочнику снова пришлось взять инициативу в свои руки. Он неожиданно размахнулся и хлестнул палкой воздух в пяди над собачьей головой. Овчарка испуганно присела, но тут же оскалила зубы и с лаем рванулась на обидчика, маг еле успел накрутить поводок на руку и упереться ногами.

– Вы что, уважаемый, ума лишились? – холодно поинтересовался Ксандр, наконец справившись с овчаркой и заставив ее сесть возле своей ноги. – А теперь еще и жизнь надоела?

– А кто вас, колдунов, знает, – боязливо, но упрямо буркнул мужик. – С вас станется простому человеку голову задурить, мороком чудище свое укрыть – может, тута оно, рядышком, а мы и не видим! Вот для верности палкой и прошелся.

– Убедились? – совсем уж ледяным тоном уточнил маг. Собака не двигалась с места, но выразительно щерилась и рычала. Мужик подозрительно сощурился, чуя подвох, но не понимая, где он запрятан.

– А вторая кобыла тебе на кой?

– Сменная, – отрезал Ксандр, приматывая поводок и поводья запасной лошади к луке своего седла. Влезть в седло с корзиной в руках оказалось непростой задачей, но маг справился. – Еще вопросы будут?

– Зубы покажи, – вяло потребовал кто-то из толпы.

Маг показал кое-что другое, при этом так недобро ухмыльнувшись, что все претензии увяли на корню. Народ неохотно расступился, давая дорогу. Мужик с возвращенной рогатиной ошеломленно поймал брошенную магом монету.

* * *

Выехав за городские ворота, Ксандр небрежным мановением руки снял морок. Теперь рядом с его конем безо всякого поводка шустро перебирал лапами тощий угрюмый волк.

– Вот уж не знал, что волки умеют лаять, – добродушно заметил маг, сворачивая с дороги в заросли орешника.

– Так – не умеют, – буркнул Ороен пару минут спустя, вытаскивая из сумок «сменной» лошади свою одежду. – Но люди же не собаки, чтобы отличить настоящий лай от поддельного.

«И на наше счастье, мало кто знает, что вампиры превращаются в волков не только после смерти, но и по собственному желанию», – подумал маг. Клыками, несмотря на их дурную

славу, много не навоюешь, поэтому в бой защитники долин шли исключительно в крылатой ипостаси.

После короткого обсуждения предпочтение отдали проселочным дорогам, где и коня можно вскачь пустить, и такого подозрения у встречных путников не вызовешь – в сторону Догевы почти никто не ехал. В основном по главному тракту возвращались в Белорию остатки войсковых обозов, настроенные еще мрачнее и недружелюбнее давешней толпы.

Ехали молча, изредка перебрасываясь короткими деловыми репликами: подай флягу, остановимся на минутку, куда лучше повернуть на развилке?

Не расспрашивать же, в самом деле, кто какое участие принимал в боях за Догеву, преувеличенно бодро интересоваться планами на будущее или спорить, чьи женщины красивее, потому что врывающиеся в мирные селения воины не смотрели ни на внешность, ни на возраст...

Впрочем, ребенок не давал мужчинам скучать, громогласно требуя внимания чуть ли не каждые полчаса и кочуя с седла в седло, так что о напряженном молчании и речи не шло.

На ночевку остановились возле светлой березовой рощицы. Караулить решили по очереди: вампир – до часа после полуночи, маг – до рассвета, по здравому размышлению отказавшись от использования защитного контура. Ксандр не сомневался, что его тайно, но ищут, и не хотел привлекать внимание коллег резким всплеском магии.

Ребенок, похоже, спать не собирался вообще. В корзинке он вопил так, что в роще не утихало эхо, на руках у Ороена – чуть потише и с минутными паузами. Укараулить что-нибудь в такой обстановке было невозможно, но через пару часов «отдыха» мужчинам стало совершенно безразлично, нападет на них кто-нибудь или нет. В любом случае, об обычных предосторожностях вроде сохранения тишины и бездымного пламени беспокоиться уже не стоило. Ксандр думал, что надо бы наконец распределить среди подчиненных ему магов наградные листы и вручить Катиссе орден за мужество (не уточняя, какое именно). Вампир, не меняя тихой воркующей интонации, под видом колыбельной высказывал младенцу честное мнение о его недостойном Повелителя поведении...

Забывшись наконец тяжелым неровным сном, маг проснулся в гробовой тишине и, с невероятным трудом разлепив глаза, увидел молча сидящего рядом вампира. Взгляд у Ороена был какой-то нехороший, оценивающий.

– В чем дело?

– Да вот думаю, – медленно проговорил вампир, – может, загрызть тебя, прикопать и дальше одному ехать? До Догевы меньше полусотни верст осталось, как-нибудь справлюсь.

– Вот когда определишься, тогда и разбудишь, – пробормотал Ксандр, пытаясь перевернуться на другой бок, но Ороен со смешком удержал его за плечо.

– Нет уж, вставай, раз проснулся! Твой черед дежурить, я вообще-то будить тебя шел.

Маг со вздохом отбросил одеяло и сел, чувствуя себя на редкость глупо. Впрочем, уметь он читать чужие эмоции как открытую книгу, тоже не упустил бы повода подшутить над перетрунувшим спутником.

Стоило Ксандру уступить вампиру нагретую постель, размять ноги небольшим обходом и подбросить дров в костер, как ребенок решил, что хорошего помаленьку, и снова разразился громким плачем.

– И откуда в тебе столько звука берется? – обреченно поинтересовался маг, беря его на руки. Младенец на мгновение замолчал, недоверчиво разглядывая человека, а потом наглядно продемонстрировал, что это отнюдь не предел его возможностей.

– Зачем ты его дразнишь? – не выдержал Ороен, безуспешно пытавшийся использовать лежак по назначению.

– Я?! – возмутился Ксандр, делая робкую попытку укачать безостановочно орущий сверток, но добился лишь прерывистости воплей, действовавшей на нервы еще больше. – Сам бы попробовал его успокоить!

– Я пробовал, три часа подряд! – Вампир, не желая повторять сей подвиг, малодушно укрылся одеялом с головой.

Результат получился довольно неожиданный: вопли без помех проникали сквозь плотную ткань, зато разобрать, что бубнит изнутри вампир, магу теперь не удавалось. Тем более он, кажется, уже оглох на правое ухо, имевшее неосторожность находиться на пядь ближе к источнику звука. Ксандр с тоской глянул на лежак, на котором рассчитывал вполглаза подремать до рассвета и, не удержавшись, язвительно напомнил:

– Между прочим, это надежда твоей долины, вот ты ее и успокаивай!

– Но сейчас твоя очередь дежурить! – не остался в долгу Ороен.

Ксандр вздохнул, безнадежно потряс сверток и уже серьезно заметил:

– Если он не прекратит вопить, через полчаса сюда сбежится вся окрестная нежить. Младенческий плач для нее как магнит, ни одна тварь не откажется им полакомиться.

Вампиру волей-неволей пришлось покинуть свое эфемерное убежище и присоединиться к коллеге по несчастью. Ребенок охотно поддал реву, дабы ни одна из нянек не чувствовала себя обделенной.

– В мою смену он так не орал, – озабоченно заметил Ороен. – Может, тряпку надо сменить?

– Я проверял, все в порядке, – раздраженно отмахнулся Ксандр. – И есть он не хочет. Я уж от отчаяния даже заклинанием его усыпить пытался...

– На Повелителей магия не действует.

– Да неужели? – съязвил маг. – Ни за что бы не догадался!

– А на меня-то зачем злиться? – обиделся вампир.

– Ну не на него же, – резонно заметил Ксандр. – Какие еще проблемы могут быть у ваших младенцев?

– Как и у ваших, – пожал плечами вампир. – Чего-то испугался, животик заболел...

– Животик? У вас же до двухсот лет вообще болезней не бывает!

– Так это и не болезнь. Обычные детские колики – может, молоко слишком жирное или кислое попало или перекормили.

– И что же нам теперь делать? – беспомощно поинтересовался маг, с трудом вклинившись между двумя воплями.

– Ничего. Тут травница нужна, – вздохнул вампир. – Раньше-то ты с ним как управлялся?

– Первый месяц его вообще не слышно было, – с тоской припомнил Ксандр. – А потом мои помощники им занимались, я только изредка забегал. А у тебя дети есть?

Ороен отрицательно покачал головой. Та любимая и единственная, от кого бы он их завел, вышла замуж за другого, и он давно уже с этим смирился... Впрочем, сейчас это не казалось ему такой уж огромной потерей.

– Тебя, полагаю, можно не спрашивать?

– Могу ответить. И не будет!

Мужчины тоскливо переглянулись и с внезапно нахлынувшей симпатией подумали, что, пожалуй, вампиров и людей разделяет не такая уж широкая пропасть, если мостиком через нее может стать обычная детская корзинка...

* * *

Еле дотерпев до рассвета, еще не друзья, но уже и не враги снова забрались в седла. Стоило лошадям тронуться с места, как рев сменился плачем, потом редкими всхлипами и,

наконец, – вожденной тишиной, нарушить которую маг и вампир не смели даже шепотом, перейдя на общение выразительными знаками.

Через пару часов взошло солнце. Стало жарко, над выжженным, только-только начавшим обрастать молодой травкой полем зажурчали трели жаворонков. Кобыла Ксандра наступила на обрывок кольчуги, запуталась и испуганно прянула в сторону, волоча за копытом звенящее кружево. Маг поспешно натянул поводья и, спрыгнув, отцепил от разболтавшейся подковы застрявшее под ней колечко. Прочитал короткое заклинание, чтобы она окончательно не отвалилась посреди дороги кому-то на счастье, боязливо прислушался, но все по-прежнему было тихо.

И десять минут спустя, и час, и два...

Ороен не выдержал первым:

– Слушай, а вдруг он уже есть хочет? Но ночью так накричался, что сейчас даже пискнуть не в силах?

Маг повернул к нему осунувшееся лицо с красными от недосыпа глазами. Никакая нежить ночью так и не появилась – видимо, побоялась, что вконец озверевшие мужчины припрягут ее к неблагодарному делу по укачиванию несостоявшегося обеда. Но лучше бы Ксандру пришлось иметь дело с десятком упырей, чем с одним раскапризничавшимся младенцем.

– Если он чего-нибудь захочет, – выразительно сказал маг, – мы сразу об этом узнаем!

Вампир не посмел настаивать. Он и сам только-только задремал в седле, так что следующие полчаса прошли в тишине – увы, уже не казавшейся мужчинам такой блаженной. Ксандр с трудом удерживался от искушения распотрошить обвязанную тряпкой корзину и убедиться, что маленький паршивец сладко спит, а не отдает концы или – о ужас! – по какой-то жуткой ошибке забыт на привале.

Наконец маг сдался и, притормозив, осторожно заглянул в корзину.

Больше таких экспериментов не делали. В отличие от мужчин, ребенок успел прекрасно отдохнуть и отоспаться, за последующие четыре часа с лихвой выполнив и перевыполнив дневную норму по реву.

– И почему ты меня ночью не загрыз?

– Какое счастье, что я этого не сделал! – Корзинку в данный момент вез маг, что отнюдь не радовало его кобылу (до этого вампир около часа ждал Ксандра неподалеку от деревушки, куда тот отправился за молоком и имел неосторожность вернуться, так что отвертеться от почетной ноши ему не удалось).

Ко времени ночного привала до Догевы оставалось всего несколько верст, но лесом, соваться в который по темноте с лошадьми путники не рискнули. Тем более даже вампир не мог дать гарантии, что его соплеменники встретят незваных ночных гостей с распростертыми руками. С распростертыми зубами – куда вероятнее, так что утро больше подходило для первого... ну, не дружеского, но хотя бы нейтрального контакта.

На этот раз первое дежурство выпало магу. Ороен с полчасика поворочался, поморщился, но все-таки уснул. Ребенок, для разнообразия – тоже, и Ксандр, на всякий случай не спуская его с рук, начал малодушно клевать носом.

За что пару часов спустя и поплатился. Роковая ошибка выглядела как дюжинный отряд бывших легионеров, он же банда нынешних мародеров со взведенными арбалетами. Когда Ксандр поднял голову, а Страж, даже сквозь глубокий вампирый сон почувствовав присутствие чужаков, беспокойно шевельнулся и открыл глаза, разбойники уже обступили их стоянку и, поняв, что серьезного отпора здесь не предвидится, окончательно осмелели.

– Ага. – Главарь вразвалочку подошел к костру, по-хозяйски заглянул в котелок. – Сидят, голубчики. Огоньком греются. И кулеша, гляди-ка, нам уже наварили... Да ты сиди, мужик, сиди, не беспокойся, мы сами себя обслужим!

Мародеры вразной, но одинаково мерзко захохотали.

– А это у нас чего? Никак, упырь? – Разбойник кончиком меча заставил злобно ощерившегося Ороена приподнять голову. – Надо же, как нам сегодня свезло! И за клыки можно у знахаря горсть монет выручить, и на доху мне как раз одной шкуры не хватает.

– Война закончилась, – холодно сказал маг, прижимая к себе снова начавшего попискивать ребенка. – И в случае чего вас будут судить по законам мирного времени как разбойников и убийц.

– Что ты сказал? – Главарь глумливо приставил ладонь к уху. – Что там у этого хмыря кончилось, э?.. Ничего не расслышал! Зато вот чего скажу: лес вокруг глухой, королевские глашатаи вечно с вестями запаздывают, а наше дело маленькое – приказали нежить изничтожать, мы и рады стараться. Верно, ребята?

Банда отозвалась согласным гулом и придвинулась еще ближе. Двое, ничуть не стесняясь владельца, беззастенчиво рылись в седельных сумках, отшвыривая бесполезные, с их точки зрения, вещи.

– Почему бы вам просто не забрать деньги и лошадей и не убраться отсюда? – предложил Ксандр. Унижаться перед подобным отребьем было невыносимо противно, но нацеленные со всех сторон арбалеты и занятые ребенком руки сводили на нет все его магические способности. – Мы лю... путники мирные и шума поднимать не будем.

– Э нет, мил человек, – осуждающе покачал головой главарь. – Ты, мнится мне, обмануть бедных лесных мужичков хочешь. Думаешь, не вижу, что ты колдун? И только, покуда мы тебя на прицеле держим, не рыпаешься? А когда мы сдуру денежки возьмем и, откланявшись, спиной к тебе повернемся, тут-то ты нам в нее молнию какую и влепишь. Нет уж, придется тебя, болезного, вместе с упырем кончать...

Ксандр ни на секунду не усомнился в серьезности их угроз. Свидетели мародерам и в самом деле ни к чему – они же собираются через недельку-другую, когда кончатся хлебные деньки послевоенной суматохи, вернуться домой героями. Не признаваться ведь женам и детям, что привезенное золото взято не с боя в захваченном вражеском обозе, а снято с трупов мирных жителей, зачастую – своих же, людей...

Лицо мага исказилось от ужаса, он попытался что-то пролепетать, но вместо этого побледнел, закатил глаза и повалился на спину, выпустив ребенка из рук – да так неудачно, что тот шлепнулся с лежака на землю. Будь на месте Ороена любящая мамочка младенца, она бы либо сама упала в обморок, либо, невзирая на арбалеты, кинулась проверять, все ли в порядке с ее драгоценным чадом, а разбойники без колебаний истыкали бы болтами всех троих. Но, на что Ксандр и рассчитывал, по другую сторону костра сидел хоть и верноподданный, однако разъяренный, невыспавшийся и оттого еще более злой вампир, который без колебаний набросился на ближайшего разбойника, по чистой случайности оказавшегося главарем. Тот успел спустить тетиву, но Ороена это не остановило. Вампир сгреб человека за шиворот и рывком развернул спиной к дружкам, тоже поспешившим разрядить арбалеты. Главарь не успел даже крикнуть, только выгнулся дугой и захрипел, когда его тело пробили сразу четыре болта.

Никому и в голову не пришло для верности пальнуть в потерявшего сознание мага – а совершенно напрасно. Боясь задеть вампира, Ксандр ограничился простым силовым пасом, подкосившим колени и выбившим из рук оружие, и приготовился было орудовать мечом, но оставшиеся без главаря разбойники не приняли боя, бросившись врассыпную.

– Мразь! – сплюнул маг, убирая меч в ножны и наклоняясь за ребенком. Судя по интонации – если это слово вообще применимо к непрерывной вибрирующей трели, – и выражению сморщенного от рева личика, вампиреныш не столько испугался, сколько возмущился, готовившись долго и жестоко мстить за такое бесцеремонное обращение.

Ороен, помедлив, разжал руки, и мертвое тело мешком осело к его ногам. Поморщившись, вампир нашарил засевший в боку болт, выдернул и швырнул в костер.

– Вот ты его теперь и успокаивай, – только и сказал он проштрафившемуся караульному, возвращаясь на лежак, и с головой укрылся одеялом.

А Ксандр всерьез задумался: не потерять ли ему сознание по-настоящему?

* * *

Лес горел совсем недавно – сверху еще осыпались черные хлопья бывшей листвы, горький сизоватый воздух першил в горле. Уцелели только самые высокие и зеленые деревья, занявшийся до самых макушек сухостой валялся на земле в виде дотлевающих колод, а от подраста остались лишь обугленные прутьики стволов.

Ороен бросил на мага быстрый, вроде бы ничего не выражающий взгляд, но Ксандр пристыженно прикусил губу и потупился, хотя причиной пожара стали вовсе не пульсары или прочие огненные магические штучки. В лесу их не использовали, да и маги уже месяц как отказались от участия в войне. Люди превосходно обошлись катапультами с облитыми смолой и подожженными ядрами.

«Да, я маг. Я первым выступил на Совете с гневной и пламенной речью, убедив междурасовый Ковен Магов, до сих пор старавшийся держаться в стороне от политики, прекратить войну, приняв ради этого сторону вампиров.

Но я еще и человек. И все равно виноват – в том, что не сделал этого раньше... что вообще позволил войне начаться...»

– Orroen?! T-ta irra, kasshen!

– Trenn, in'sa! – охотно откликнулся Ороен, приветственно махнув рукой невидимому Стражу. – Thail'letta, na rren, weris Lan Kielanna!

– Klea, dsai w'est!

Из кустов так никто и не вышел, но вампир заметно оживился:

– Он сообщит Совету о нашем прибытии и позаботится, чтобы мы беспрепятственно добрались до города.

– Прекрасно, – с облегчением вздохнул маг, наконец-то позволив себе расслабить плечи. Хотя и до этого отлично понимал, что стреле совершенно все равно, в какую спину втыкаться – прямую или ссутуленную.

Пепелища домов и выжженные просеки встретились на их пути еще не раз. Но были и аккуратно расчищенные полянки, заново вспаханные поля и свежие, только что сложенные срубы с костяками-стропилами будущих крыш. Долина понемногу восстанавливалась – а теперь, с возвращением Повелителя, у нее и в самом деле появилась надежда на возрождение.

Сердцевину города война почти не затронула. У эффектного фонтана посреди площади стояла стройная – пожалуй, даже худощавая – женщина в черном облегающем костюме, выжидаательно сложившая руки на груди и безо всякого энтузиазма наблюдающая за приближением мага. Легкий ветерок ворошил коротко, неровно стриженные волосы – то ли опаленные, то ли наспех обкорнанные ножом, чтобы не мешали в бою.

Ксандр заглянул ей в глаза и содрогнулся. Черные, пронзительные, глубоко запавшие от усталости и такой же застарелой ненависти... и совершенно мертвые. Маг подумал, что, если бы Догеве пришлось-таки принять последний, безнадежный бой, эта женщина бросилась бы на врага даже с голыми руками – беспощадно мстить за тех, кого она потеряла.

Охраны возле нее не было, но все проходящие в тот момент по площади женщины (ни одного мужчины Ксандр не заметил – видимо, те занимались восстановлением долины, да и немного их осталось) на всякий случай задерживались и настороженно присматривались к человеку, готовые, чуть что, броситься травнице на выручку.

Ребенок выбрал просто идеальный момент, чтобы сообщить миру о своем очередном недовольстве оным.

Это стало последней каплей. Вернее, пронзительным, насквозь пробуравившим голову воплем. Измученный, еле стоящий на ногах маг, несколько дней готовивший дипломатическую речь, неожиданно понял, что ему глубоко плевать, что подумает о нем Верховная Догевская Травница, неофициально возглавляющая Совет долины. Да пусть хоть загрызет на месте, лишь бы наконец-то полежать в тишине и покое!

И, без положенных церемоний шагнув вперед, молча протянул женщине свою ношу.

Травница брезгливо и удивленно присмотрелась к попискивающему свертку... и вдруг, вытаращив глаза, со звериным рычанием метнулась к магу и выхватила у него ребенка. Ксандр пошатнулся от неожиданности, Ороен едва успел придержать его за локоть, а вампирша, распотрошив пеленки и торопливо удостоверившись, что ей не померещилось, подняла испуганно вякнувшего младенца вверх и срывающимся голосом выкрикнула несколько слов на алладаре. Изумленные возгласы очень быстро сменились криками ликования, женщины плотным кольцом обступили травницу, наперебой тараторя и пытаясь коснуться пальцами хоть краешка пеленки.

О мужчинах забыли. Напрочь. Умиленно ахающая и сюсюкающая процессия (из середины которой доносились протестующие вопли младенца, запоздало сообразившего, во что он вляпался) пересекла поляну и скрылась в Доме Совещаний, оставив героев в гордом одиночестве.

– Может, по пиву? – неожиданно предложил Ороен, кивая на расположенное неподалеку заведение.

Ксандр, словно еще не веря в избавление от предмета их общих мук, посмотрел на свои пустые руки, потом воздел глаза к небу и истово возблагодарил всех богов оптом, хотя до сих пор сомневался в существовании даже одного.

– Да, за *такое* определенно стоит выпить!

И вампир с человеком, опираясь друг на друга, из последних сил поковыляли к пивной. Но это уже совсем другая история...

Узелок на удачу

– Ты, говорят, на паучиху собрался?

Данька поперхнулся, оплевав пивом стол и рубаху. Даже на штаны немножко попало. Разрешения присесть на свободный стул колдун не спрашивал. Сам черным сухоногим тараканом обшуршал стол и скрючился напротив, сложив руки на конце узловатой клюки и буравя парня глубоко ввалившимися глазами-бусинками.

Колдунов Данька, как и положено неглупому селянскому парню двадцати лет от роду, уважал и побаивался. А дряхлого, но все никак не укладывающегося в гроб чернокнижника-неклюда, способного одной левой поднять из этого самого гроба какую угодно пакость, так и вовсе боялся. Даже с тенью его дела иметь не желал, посему ограничился расплывчатым и ни к чему не обязывающим «угу».

Лысый сморчок... хотя нет, забирай выше – мухомор, а то и бледный поганец, – ни проваливать, ни заказывать пару кружек «за знакомство» не собирался. Скупость старого колдуна вошла в поговорку даже у ростовщиков. По слухам, за последние пять лет он не потратил ни единой заработанной чародейством монетки: во всех лавках ему отпускали бесплатно, ибо при намеке о расчете окаянный «покупатель» хоть и лез в кошель, но при этом начинал так злобно бубнить под нос какую-то невнятицу, что торгаши предпочитали потерпеть небольшой убыток, чем, скажем, пожар или нашествие крыс.

– Подготовился небось как положено?

– Ага.

Маг поерзал на стуле, будто неосмотрительно пристроил тощий зад на россыпи сухарных крошек (хотя, разумеется, за такой промах корчмарь давно бы квакал под стойкой).

– Меч заговорил?

– Ыгы.

Меч, конечно, неважнецкий. Дерьмо, прямо сказать, меч. С ним только перед девками грудь выпячивать, а врагам больше спину показывать следует. Точил его Данька до полуночи, пробуя то на обгрызенном от усердия ногте, то на стоящем у порога чурбане. А заговор, наложенный ведьмой из приречной хатки, обещал всего один удар без промаха, зато такой, которому и былинный кладенец позавидует. Большого Даньке и не требовалось. Хотелось бы, само собой, вообще не махать, но ежели придется – ударить, бросить и драпать со всех сапог. Тоже, кстати, заговоренных на четверть версты безустального галопа.

– Паучиха-то у тракта с прошлого года сидит, каждые две недели на промысел выбирается, – вкрадчивый шепот змейками полз в уши, Данька едва удержался, чтобы не помотать головой, сбрасывая назойливых гадов. – Небось прикопилось там уже порядочно, одно приданое купцовой доченьки чего стоит, на трех телегах везли... И тебе хоть одну прихватить надобно: чего сразу не заберешь, охотники за дармовой поживой мигом разметут.

– Ну дык! – Парень гордо расправил плечи. Немалой, кстати, ширины – любое чудище должно оценить. Особенно когда глотать станет.

«Не учи, старик, ученого! Есть у меня телега, и кобылка мышастой масти по кличке Капустка тоже есть. Маленькая, плешивая, зато повыносливее иного битюга будет. Свезет и купцовы шелковые отрезы, и гномьи щиты, серебром по краям обшитые, и волменских куниц, ежели еще не погнили. В одном ты прав, неклюд: давно паучиха на тракте сидит, а тракт наезженный».

Правда, отдал Данька за найм животины с телегой единственную свою рубаху, новехонькую, только с торжища, а в случае неудачи обещался год у их владельца за кукиш без масла пробатрачить. Ну да ничего, паучиха не девка, к ней и с голой грудью в гости можно. Куртку поплотнее запахнуть – и сойдет.

На сей раз колдун задумался надолго.

– Зелье?

– Эге.

«Ну ты и сказанул! Какой же дурак без него в паутину сунется?!»

Зелье, сиречь эликсир животельный, обошелся Даньке в пять золотых. И то по дешевке, потому как у знакомого ведуна. Сам ведун употреблять сей продукт по назначению отказался. Дескать, и кости у него к холодам ломит, и идти до паучьего логова далеко, а кобыла, как назло, клевера обожралась – пучит ее нещадно, хоть бы вообще не сдохла. Струсил, короче. А пять золотых Данька под залог обручального кольца у ростовщика взял. Высосет его паучиха – и кольца, тремя годами батрачества оплаченного, не надо: отторгует златокосая Шарася положенный срок, да и выберет себе нового жениха, поудачливее. А вернется Данька – будет на что и кольцо выкупить, и свадьбу справить, и домишко свой отгрохать. Двухэтажный, с резным коньком, как Даньке с детства мечталось.

Парень поболтал кружку и разом выхлебнул плескавшиеся в ней остатки, уже выдохшиеся и горькие. Мол, шел бы ты, старый хрыч, ночным погостом, или чем там чернокнижники вроде тебя шляются.

Как же, держи торбу шире! Колдун наклонился вперед и так вперился в Даньку крысиными гляделками, что пиво всерьез задумалось, вниз ему течь или вверх.

– А об удаче позаботился?

– Чего-о-о?! – гыкнуть на такое заявление оказалось выше Данькиных сил. – Дык она же того... не наколдовывается? – неуверенно припомнил парень. Даже присловье такое есть: «без удачи и маг заплачет!»

– Это у самопальных ведьм не наколдовывается, а у толковых чародеев – запросто, – мертвой осенней листвой шелестел колдун, замечая ею, как зеленую травку, все доводы разума. – Ну что, сторгуюсь?

У парня, несмотря на только что выпитое пиво (три кружки, между прочим, на последние медяки, для храбрости!) пересохло в горле. Удача – она, того, штука нужная! Даже понужнее меча с зельем будет: много их там, мечей и склянок, под паутиной валяется. Три рыцаря на паучиху ходили. Два ведуна, то бишь мага боевых. Дружок Данькин, по пьяни, перед девками хотел выхвалиться – тот, правда, назавтра обратно прибежал, зубами щелкая. До сих пор дома отсидывается. Ну, по огороду до нужника еще пройдет, а в лес ни ногой, хотя до паучихи без малого день пути. Издалека увидал, как она харчит кого-то – хватило.

А сколько там еще случайных проезжих, дураков да героев в паутинных люльках куколками сухими висит – только они перед смертью и считали. К кому себя относит Данька, парень еще не определился. Но твердо знал: так дальше жить нельзя. Горбатишься на хозяина от рассвета до заката, всех радостей – поест да с девкой в стогу поваляться, если чуток сил осталось. А жизнь-то, она такая – оглянуться не успеешь, как ни девкам, ни друзьям не нужен, а своего ничего не нажил. Нет уж, лучше к паучихе в лапы...

– Показывай свою удачу, коли не шутишь! – нарочито грубо потребовал Данька.

Рыбка клюнула. Оставалось только аккуратненько подсесть.

Колдун бережно, как величайшую ценность, достал из кармана обрывок тонкой волосанной веревки и не спеша, тщательно выплетая пальцами, затянул на ней три обманных узелка. Данька такими младшую сестренку забавлял: с виду узел как узел, а потянешь за концы веревочки, он и разойдется, только щелкнет негромко.

– И чего? – не утерпел он.

– И того. – Колдун бросил веревочку на стол, ровнехонько между собеседниками. – Если понадобится тебе удача, пожелаешь ее и распустишь узелок.

– А сколько ты за нее просишь? – Данька и на обычном-то рынке торговаться не умел, мигом блеском глаз себя выдавал.

Прожженный старикашка и вовсе хомутом на шею влез, ножки свесил.

– Используешь один узел – мне треть добычи отдашь, два – две, три – со всей расста-
нешься.

– Ага, хитренький! – позабыв, с кем разговаривает, возмущенно завопил Данька. –
А ежели не сработает?!

– Хоть один не сработает – не плати, – сухо отрезал колдун. – Но учти: если сработает, а ты
мне солжешь или трофеи утаишь, я мигом узнаю. И тогда уж пеняй на себя: всю оставшуюся
жизнь без удачи проходишь!

Данька мялся еще добрых полчаса. Чесал маковку, кочевряжился, делал вид, что ухо-
дит, и снова возвращался, надеясь выторговать у паскудного неклюда хотя бы четвертушку
существующих пока что только в воображении сокровищ, а сам изначально знал: согласится.
На что угодно согласится, лишь бы к дурной, вызванной отчаянием отваге добавилась хоть
малая толика удачи.

И согласился.

* * *

Страшно стало уже в распадке, густо выстланном осиновой листвой. До рассеченного
трактом леса, где угнездилась паучиха, оставалось больше пяти верст, но сюда, говорят, она уже
захаживала. Данька специально подгадал, чтобы выехать в обед, заночевать на полдороге и с
рассветом снова тронуться в путь, добравшись до паучьего логова к следующему полудню.
Днем оно, во-первых, не так жутко, а во-вторых, на тракт гадина выползала только по ночам.
Авось свет ей не по нутру.

Хотя особо Данька на этот счет не обольщался. Отступать, однако ж, не собирался.
Некуда. Родители померли, сестренка вышла замуж в город, изба сгорела и заново отстраи-
вать ее парень не стал. Тощий узел с пожитками запихан под лавку в каморе для батраков –
если через неделю Данька не вернется, дружки поделят и добрым словом помянут. Вот и все,
что от него останется: колбасные шкурки рядом с распитой за упокой бутылью...

Но чем дальше топала послушная Капустка, тем меньше парню хотелось упокаиваться.
Стоило подуть ветру, как дорогу мышьиной стайкой перебежали скрюченные кленовые листья,
сухие и бурые, словно вытаявшие из-под снега, а не только что облетевшие с веток. Нехороший
был распадок, неправильный. И лез Данька по нему, будто крыс какой по водосточному желобу,
где ни свернуть, ни развернуться, а у выхода жирный котяра затаился.

А может, тоже в город податься? У сеструхи месячишко-другой пожить, в подмастерья
к гончару или кузнецу наняться, ить ни ловкостью, ни силушкой, хвала богам, не обделен.
А там, глядишь, купчиха какая вдовая подвернется, в годах да при денежках... грымза тощая
аль бочка сальная, взбалмошная, что каждым кусом пирога-рябчика попрекать будет.

Парень гадливо сплюнул за обрешетку телеги и натянул вожжи. Нет, не в город к своему
«счастью» разворачивать, а по-мужски достойно полить куст боярышника.

Боярышник к Данькиному самоутверждению отнесся неодобрительно – зашумел густой
ягодной зеленью, вылупил буркалы и изумленно рыкнул: ты чего, мужик, во всем лесу другого
места найти не мог?! Ну, держись теперь!

Блаженное расслабление длилось недолго. Ровно до тех пор, покуда до парня не дошло,
что, несмотря на кажущуюся густоту куста, на сидящего за ним медведя все-таки немножко
попало.

Первый вопль у Даньки получился высокий, какой-то бабий, но дело быстро наладилось.
Держась за спадающие штаны, недотепа самоходным набатом драпанул к телеге.

Медведь, как животного умная, напролом через колючее ветвьё не попер, покосолапил
в обход, дав парню сажень форы.

Капустка, разумеется, дожидаться их не стала. Правда, скотиной она была тягловой, а не скаковой, и на исходе полуверсты телегу Данька все-таки догнал, запрыгнул, чуть из штанов не вылетев. Хлестнул бедную лошаденку вдоль хребтины, не столько подогнав, сколько утвердив в решении галопировать до последнего издыхания. Медведь старательно пыхтел следом, грозясь жестоко отомстить Даньке за поношение.

Эх, не повезло-то как... едва полдороги проехали, а удача уже отвернулась!

Удача...

Удача!

Где?!

В левом кармане – смятый платок, хлебное крошево.

В правом – пусто.

Неужто сронил в куст?!

А может... и когда только сунуть успел?

На выезде из распадка дорога раздваивалась. Одна, пошире, напрямую вела к паучьему лесу, вторая узкой тропкой стекала под горку в лопухи. Данька повис на правой вожже, пытаясь направить взмыленную кобылу по ровной дороге, хотя по уму она бы и сама туда свернула.

Кабы не дохлая овца с распотрошенным волками брюхом, задравшая копыта прямо промеж колеи.

Капустка захрапела, шарахнулась в сторону и помчалась с горы, подгоняемая грохочущей – вот-вот развалится! – телегой. Данька лицом вниз повалился на сено, закрыл руками голову. Над ней хлопали мохнатые листья, сыпалась какая-то дрянь, с дурным ором трепыхали крыльями вспугнутые перепелки или другая овражная птица, очумевшая от внезапного нашествия.

Телега подскочила на камне, беря разбег напрямиком в небеса... И остановилась.

Данька, тяжело дыша, прислушался. Тишина! Ни топота, ни рева, ни хруста сминаемых зверюгой будыльев. Неужто... повезло?! Ну, неclud, старый пень, подманил-таки удачу! Ладно уж, подавись своей третью... За такое – не жалко!

Парень бережно спрятал в карман чародейную веревочку с двумя узлами, наконец-то толком подпоясался и вылез из телеги. Земля крепко шаталась, не веря Данькиным уговорам, что он ни капельки не испугался, только растерялся чуток. Почесав белобрывую башку и покрутив ею по сторонам, парень, храбрясь, смачно обругал облепленную репьями кобылу и под уздцы повел ее дальше по тропке. Телега затейливо вихляла задними колесами, подскакивая и скрежеща на каждой колдобине.

Как любой селянин, Данька без труда мог определить направление по солнцу, звездам, обомшелым стволам и сотне иных природных примет. Вот и сейчас он быстро разобрался, что идет в нужную сторону, хоть и забирает немного влево. Лишь бы тропка не оборвалась и телега вконец не развалилась. Возвращаться, да по кособоку, к медведю... брррр!

Лопухи кончились, потянулся скрюченный, жмующийся к земле сосняк с частыми выворотнями. Одно слово – Волчья Слободка, как с незапамятных времен прозывался этот лес. Маслят в нем водилась прорва – крепеньких, нечервивых, но в одиночку грибники сюда и раньше старались не соваться, а теперь и подавно. Данька машинально пошарил по земле взглядом, тут же выхватившим из иглицы несколько склизких коричневых шляпок, и с сожалением прошел мимо. «На обратном пути», – неубедительно утешил себя.

Вскоре стало ясно, что к полудню Данька до паучьего логова не доберется. В лучшем случае – до опушки. Снова вытащив веревочку, парень задумчиво уставился на оставшиеся узелки. Надо же, такая мелочь, а какую силу над удачей имеет! Может, загадать, чтобы и вовсе не пришлось с паучихой биться? Приду – а она уже дохлая валяется: сыскались и без меня умельцы, или срок ее настал.

Да нет, одернул себя парень, это уже не удача, а ребячья мечта получается. Удача – это ежели могло повезти аль не повезти, и повезло. А от паучихи гхыр такого счастья дожدهшься. Только узел зря изведу-у-у...

Пал Данька долго – аж две сажени. Так хряпнулся спиной, что даже заорать не смог. Сразу. А потом заметил вокруг себя поросль вбитых в дно ямины кольев, на одном из которых догнивал волчий труп – и прорвало.

Лежал же Данька на куче листвы, так удачно раскинув руки-ноги, что нарочно захоти – не сумел бы без лишних дыр между кольями вписаться. А тут даже одежда целехонькой осталась, единственный синяк – от врезавшегося в бок меча.

Наоравшись и належавшись, парень помаленьку сообразил, что пора бы и честь знать. То есть выбираться отсюда, покуда все здешние волки не сбежались посмеяться над недотепой. Покряхтывая, сел, потянулся схватиться за ближайший кол, почувствовал, что в кулаке что-то зажато, поднес к глазам... и перед ними снова все поплыло. На веревочке остался один узелок. Данька и не почувствовал, как, проваливаясь в волчью яму, дернул за волосяные концы. А если бы не успел?! Охти, лишенько!..

Капустка смирно стояла на краю ямы, ожидая, пока внезапно сгинувший хозяин снова выберется на белый свет. Данька взял ее под уздцы, но вести не спешил. Думал. Еще и одного медяка не заработал, а два уже спустил! Может, вернуться, пока не поздно? Не убьет же его неклад, если соврет, что струсил... не так уж и соврет, кстати.

Хотя... треть от ста... двухста... трехста золотых... ого!

Есть еще ради чего рисковать.

* * *

И вовсе там не было ни мрачного урочища, ни сухостойной чащобы с мертвой черной землей или мухоморным мхом по колено. Обычная поляна, светлая, травяная, с широко раскинувшими ветви дубами... и натянутой между ними паутиной. Такой громадной, что опутанные ею вековые деревья казались кустиками вереска.

Данька замер, не в силах отвести взгляда от нитей, густо усаженных паутинными свертками.

Пес его знает, на кой паучиха утягивала и заплетала в паутину вещи сожранных ею путников: то ли по-сорочьи украшала свое жилище, то ли делала это с хитрым расчетом, как хозяйка, заряжающая мышеловку обжаренным сальцем, чтобы дурни вроде Даньки сами лезли на убой.

Но были там и коконы покрупнее, подлиннее. А когда налетал ветер, легкий душок превращался в переворачивающую кишки трупную вонь.

Кобылу Данька оставил на опушке леса – заявиться в паучье логово прямиком на скрипучей телеге было бы верхом идиотизма. Так что до места парень добрался своим ходом и сидел сейчас на корточках за поваленным стволом, высматривая паучиху. Жаль, что нынче не лето и не слышать в лесу ни птичьего щебета, ни стрекота кузнечиков, по которым – вернее, их резкому обрыву – можно было бы судить о приближении твари...

Затем Данька разглядел позади паутины черное жерло норы и немного успокоился. Вот, значит, где она сидит. На другом конце поляны. Эх, удачно-то как он с горки скатился! Наезженная дорога его бы аккуратно к норе привела, а с той стороны ее заметить сложно, как пить дать ухнул бы прямо к паучихе в лапы.

В траве что-то сверкнуло. Данька, не сводя глаз с паучьего логова, потянулся и вместе с палой листвой сгреб в кулак золотую цепочку с подвеской-слезкой. А вон и еще одна, со случайно нанизавшимся перстеньком. Видать, здесь прорвался кошель утаскиваемого гаденой человека, и драгоценная начинка дорожкой растянулась до самой паутины. Данька так на четвереньках по ней и пополз, воспревая духом с каждой находкой. Собственно, на кой ему

вообще связываться с паучихой? На новый дом, даже с учетом доли неклюда, он уже насоби-рал. Вон ту еще кучку тряпья перебрать, вроде бы что-то в ней поблескивает – и хватит с него. Выпряжет кобылу и, нахлестывая, до темноты как раз успеет проскакать Волчью Слободку и распадок. А паучиха пушай настоящим героям остается – будь у нее в норе хоть сто пудов таких побрякушек.

Данька и не заметил, как подобрался к самой паутине – правда, к дальнему краю, откуда до норы оставалось не меньше тридцати сажений. И уже примерился поворошить приглянувшуюся кучку и отползти назад, когда сообразил, *чего* касается плечом.

Позабыв о сокровищах, парень медленно выпрямился, словно застуканный хозяевами вор.

Лицо было еще вполне живое, не обезображенное тлением. Человек как будто спал после тяжелой работы, заострившей скулы и проложившей темные тени под веками. Молодой еще мужик, лет тридцати, располагающего, не разбойного и не жуликоватого виду. Часть длинных волос была прижата доходящей до подбородка паутиной, часть свободно свисала вдоль висков; серые волосы, не седые и не русые, а словно пеплом присыпанные.

Данька с облегчением понял, что он его не знает. И только набрался сил отвернуться, как мужчина открыл глаза. Голубые, словно подернутые ледком приближающейся смерти, они двигались неестественно, рывками, только влево-вправо, но парня увидели. Пленник мучительно попытался сосредоточить на нем взгляд, двинул нижней челюстью, но из приоткрытого рта не вырвалось ни звука.

Даньку будто к земле приморозило.

«Она не убивает человека на месте, как порядочный упырь или оборотень, – пьяно таращась на единственный светильник корчмы, вещал уже изрядно захмелевший ведун. – Не разрывает на части, не придушивает, не выдирает сердце, не выпускает кишки... Нет, она обра-щается с добычей очень бережно, как мать с брыкающимся, не понимающим своей пользы младенцем. Сначала аккуратно обдирает лишнюю шелуху-одежду, потом тщательно пеленает тело в мгновенно твердеющие нити, оставляя открытой только голову, и приматывает на свободное местечко в паутине. Первые пару дней жертва еще дергается, зовет на помощь, воет от боли, когда ей в живот втыкается полое сосущее жало. Яд у паучихи слабый, он медленным параличом расплзается по телу до груди... рук... шеи... на третий день паутина затихает. Человек еще дышит, слышит, как оголодавшая гадина ползет к нему по паутине, чувствует, как острый кончик жала почти ласково выискивает удобное местечко, ощущает боль и холод... но он уже мертв. И висеть ему так недвижимым, безмолвным коконом, пока паскуда-паучиха не высосет его до последней капли. И снова выйдет на охоту...»

На этом месте ведун окончательно отрубился и брякнулся лицом в тарелку с вылущенными рачьими останками, а Данька потом три ночи кряду не мог толком уснуть: все чудился за стеной избушки скрежет паучьих суставов, мерещились во тьме горящие желтым глаза (бедного кота, привыкшего мышковать в каморе, Данька перед сном решительно брал за шкиряк и вышвыривал за порог). Самым же страшным было ощущение полнейшей беспомощности, когда спросонья не можешь шевельнуть ни рукой, ни ногой, а над ухом, чудится, вот-вот защелкают паучьи жвалы... В конце концов другие работники выкинули Даньку ночевать в сени на пару с котом. Надоело просыпаться от воплей.

А кому-то такое – на самом деле.

Парень нервно нащупал в кармане склянку с зельем. Если, не приведи боги, тяпнет его паучиха, одно спасение – выпить эликсир не позднее чем через двое суток, покуда яд еще до сердца не дополз и руками двигать можешь.

А этот вон уже еле башкой шевелит...

Данька попятился.

Извини, мужик... Слишком поздно тебя отсюда вытаскивать, без оттягивающей гибель паутины не проживешь ты и дня. Только одно мне остается для тебя сделать. Вот только духу немножко наберусь. Не доводилось мне еще человека...

Чего греха таить, была в Данькиных мечтах и прекрасная дева, спасенная из липких тенет... Нет, не подумайте чего, Шарася у него любимая и единственная, но помечтать-то можно? Еще утром до того приятно было героем-избавителем себя представлять, а теперь, глядя на умирающего, – стыдно. И за мечты свои идиотские, и что ничем помочь ему не можешь, и что побрякушки золотые, может, ему принадлежавшие, у него на виду по карманам жадно рассовываешь...

Мужчина из последних сил мотнул головой, паутина слабо вздрогнула.

– Да не бойся, прикончу я тебя, не оставлю на муку, – попытался успокоить его парень, снова присаживаясь и разворачивая тряпье. Глаз его не подвел, среди обрывков шелковой ткани обнаружилась прекрасно сохранившаяся шкатулка с махоньким серебряным замочком. И сама вся в камнях, и погромыхивает чем-то – берем. – Сейчас... погоди чуток...

Годить умирающий не пожелал: снова попытался дернуться, захрипел. Словно что важное сказать хотел.

– Ну ладно, ладно... – Парень вытащил меч, нерешительно перемялся с ноги на ногу. Виновато и заискивающе глянул человеку в лицо, словно прося поддержки.

Воздух тоненько зазвенел, принимая в себя нечто невидимое и неосязаемое.

«Обернись».

Данька как замороженный смотрел в голубые стекленеющие глаза, где двойным отражением шевелилось что-то черное, жуткое, приближающееся.

«Обернись».

Он медленно, словно не своей волей, повернул голову.

Она больше смахивала на громадного клеща, восьмиланного, приплюснутого сверху, с маленькой, наполовину утопленной в теле головой. Поворачивать ее паучихе не было нужды – несколько пар глаз позволяли ей одновременно наблюдать за происходящим слева, справа, впереди и сверху. Не в норе сидела, гадина. Выползла откуда-то из леса, беззвучно, а вовсе не с жучиным потрескиванием, как в Данькиных кошмарах, переставляя суставчатые ноги.

Размышлять было некогда, бежать некуда.

Умный рыцарь никогда бы не подпустил паучиху так близко. Умный ведун нипочем не стал бы рубить ее поперек клацающих жвал, крепостью, остротой и толщиной не уступающих самой лучшей стали. Умный наемник вообще бы не сунулся на ту поляну, и правильно сделал.

Но удача любит дураков. Даже без веревочек.

Меч ведьма заговорила на славу, да и сил у Даньки хватало – как и удесятеряющего их страха. Клинок лунным лучом скользнул в щель между смыкающимися жвалами, врезался во что-то твердое, хрустящее, потом мягкое, брызнувшее желтоватой влагой, дошел до упора и вывернулся из Данькиных рук, оставшись в разваленной паучьей башке.

Осознать, какое великое деяние он только что совершил, парень не успел: закатил глаза и рухнул на землю. Оно и к лучшему: смотреть, как, спотыкаясь, еще полчаса кружит по поляне на подгибающихся лапах издыхающая паучиха, слепо тычась в стволы, ему бы все равно не понравилось.

* * *

Когда Данька осторожно приоткрыл левый глаз, на поляне уже все стихло. Паучиха, поджав лапы к брюху, черным горбом валялась у входа в нору.

Правый глаз парня тоже не разочаровал: подле опрокинутой и распахнутой шкатулки весело искрилась в последних лучах солнца золотая лужица монет.

– Так я чего, победил? – невесть у кого тупо поинтересовался Данька. – Победил, выходит?!

Захотелось прыгать до верхушек дубов, орать от счастья, петлями бегать вокруг деревьев и даже расцеловать в морду давешнего медведя, если подвернется.

– Эгей! Лю-у-уди! Да я же теперь герой! Великий воин, гроза чудовищ! Эй... – Парень осекся. Мужчина, поникнув головой, безжизненно висел в паутине. Выходит, ничего он от Даньки не хотел – лишь предостеречь. А он-то, дурак, еще добренького из себя корчил: «Сейчас, погодь, покуда я золотишка нахапаю...» Одни деньги на уме были, а что есть вещи куда ценнее, только сейчас дошло.

Парень торопливо сунул пальцы в облепившие шею волосы, и, с нарастающим испугом помяв холодное костенеющее горло, уловил-таки слабое трепыхание. А может, все-таки еще не поздно? Ну хоть один шанс из сотни, а?!

Не без труда разжав мужчине зубы, Данька вылил ему в рот всю склянку. Клокотнуло, но глотнул он или нет, парень не понял. Тем не менее вытащил нож, перепилил нити, связывающие паутину с коконом, и оттащил его на ровное место. От голого тела паутина отдиралась с трудом, липко чавкая и норовя переклеиться на Данькины руки. На синюшные пятна вокруг паучьих укусов парень старался не глядеть. Сколько она из него крови высосала? Хватит ли на жизнь, если зелье все-таки переборет яд?

Вернувшись к паутине, парень прямо на ней вспорол один из малых коконов. На землю хлопнулось тележное колесо, Данька еле успел отскочить, в семь корок отматюгав его за все свои сегодняшние мытарства. Снова всадил нож в паутину. Вторая попытка оказалась более успешной – нашелся отрез так и не довезенного купцом до лавки сукна, дорогого, шелковистого. А главное – теплого и мягкого, хватило укутать мужчину с ног до головы. Оставив его лежать под дубом, Данька сбегал за лошадыю. На краю поляны Капустка, нюхнув трупного духа, захрапела и заартачилась, но парень безжалостно («а мне, думаешь, легко?») стегнул ее поводьями, заставив подкатить телегу к самой паутине.

Вечер очертил паучью тушу черной тенью, сделав вдвое больше. Стараясь на нее не глядеть, Данька бережно переложил мужчину на сено, зарыл у него в ногах ссыпанные в мешок побрякушки. Без разбору, до кучи нарубил и набросал в телегу паутинных свертков. Заставить себя здесь переночевать, а поутру спокойненько прошерстить паучью «кладовку» Данька не смог. Не столько страшно, сколько противно – словно не законные трофеи собираешь, а чужие могилы в погоне за поживой раскапываешь.

Капустка охотно, бегом потащила телегу прочь с поляны.

* * *

Ночевать пришлось в Волчьей Слободке. Одна надежда, что по осени волки смирные, отъевшиеся за лето.

Кобылу Данька на всякий случай оставил стоять в оглоблях, только отстегнул удила и бросил ей охапку сена. Насобирав ворох горючего соснового сушняка, развел костер и растянулся на телеге, заложив руки за голову и глядя в ясное звездное небо. Попытался представить свежий сруб из золотистых брусьев, удойную коровку и стадо овец, Шарасю с блюдом пирогов... но ничего не получилось. Мешало надсадное, все рedeющее и слабеющее дыхание под боком. Каждый вдох давался мужчине с огромным трудом, по углам рта вязко пузырилась слюна.

«Да я и так уже все, что мог, для него сделал», – ворочаясь с боку на бок, пытался убедить себя Данька.

«Ой ли?» – издевательски уточнял внутренний голос, не желая замолкать. И добился-таки своего.

– Слышь, мужик... ты, это... на-ко вот. – Данька поспешно, пока не успел передумать, вложил в безвольные ладони концы заветной веревочки. Сжал поверх свои кулаки и, невесть зачем зажмурившись, выпустил на волю заключенную в последнем узелке удачу. Провел по веревочке пальцами, прощаясь с присевшим было на плечо и тут же упорхнувшим счастьем, и, шмыгнув носом, зашвырнул ее подальше в темноту.

Но кто сказал, что счастье заключается только в деньгах?

Чистая совесть тоже чего-нибудь да стоит.

* * *

Вороний грай разбудил Даньку как раз вовремя, чтобы насладиться расчудесным зрелищем: сероволосый, перегнувшись через бортик телеги, надрывно блевал желчью. Когда это занятие ему надоело и он, тяжело дыша, грудью обвис на перекладине, Данька приподнялся и за плечи втянул его обратно на сено.

– Ну и везучий же ты, мужик! Соображаешь хоть чего?

Мужчина жадно отпил несколько глотков из поднесенной к губам фляги, поперхнулся, снова сблевал, и, немного отдышавшись, знаком показал: еще. Глаза у него были по-прежнему совершенно дурные, разъезжающиеся, но все с ним произошедшее он, похоже, помнил, потому что не удивился ни Даньке, ни телеге с трофейным добром, а, вытерев губы дрожащей рукой, хрипло спросил, куда они едут.

Село Три Кринички он знал – кивнул и закрыл глаза.

– Эй, а зовут-то тебя как? – Данька, спохватившись, осторожно потеревил его за плечо.

– Дар... – сонно отозвался сероволосый, сворачиваясь клубочком.

– Тоже мне, дар... убыток один, – по-доброму усмехнулся Данька, берясь за вожжи. На душе у парня было невероятно легко и светло: и он жив, и его спаситель-спасенный сладко дрыхнет, больше не измучивая себя каждым вдохом, и вокруг такая красотища осенняя, что сколько ни глазей – не наскучит. В селе героем примут, на руках по всем улицам пронесут, в каждой корчме нальют бесплатно, любая девка сама на шее повиснет, пацанят новорожденных еще год будут Даньками нарекать...

А колдун небось первым за околицу выскочит.

Но об этом Данька старался пока не думать.

* * *

Ближе к обеду, остановившись возле уже освоенного кем-то кострища, сварили похлебку из перловки и собранных в Волчьей Слободке маслят. Вернее, Данька варил, а сероволосый, приподнявшись на локте, с удовольствием втягивал ноздрями аппетитный дымок.

Котелок, как и ложка, был один, в первый черед подсунутый Дару. Убедившись, что тот, как и уверял, вполне способен поесть самостоятельно, Данька хозяйственно затоптал угли, проверил упряжь и, для порядку покрутившись по полянке, присел на обрешетку дожидаться своей очереди.

– Спасибо. – Мужчина подул на неловко зажатую в кулаке ложку и поправился: – За все спасибо. В Трех Криничках у меня есть знакомый купец; думаю, он без проблем ссудит мне полсотни золотых, так что...

– Ты что такое говоришь?! – неподдельно обиделся Данька, чуть не сверзившись с борта телеги. – Да кабы не ты, висеть мне сейчас с тобой рядышком паучихе на радость! Даже медяка не возьму, и не смей предлагать!

– Извини, – не стал спорить Дар. – Но за рубашку-то хоть заплатить позволишь? Я давно такую искал, честно.

За утро Данька от дорожной скуки разобрал свои (бывшие) трофеи. Часть покидал в придорожную канаву, но нашлось там и кое-что стоящее. Например, серебряная ваза или сверток с новехонькой, только что от портного, одеждой, из которой Дар выбрал себе густо расшитую черной нитью рубаху. Красивая, хотя Данька на такую нипочем бы не польстился – пес его знает, что эти жучки-руны означают. Да еще черные.

Парень только махнул рукой:

– А, она все равно не моя, носи на здоровье. Авось не убудет с неклюда.

Дар удивленно опустил ложку:

– И сколько, если не секрет, этот неклюд пообещал тебе за героизм и его... хм... материальные последствия?

– Ну, вообще-то... – смутился парень, – это я ему пообещал.

По мере Данькиного рассказа мужчина все выше поднимал брови, забыв про еду.

– Погоди, но ведь удача не поддается магическому воздействию, это во всех трактатах написано! Ни рассчитать, ни предсказать, ни тем более наколдовать ее невозможно! Обвел тебя неклюд вокруг носа, он-то ничем не рисковал: всучил простую веревочку, а там уж пусть удача сама разбирается, кому вершки, а кому... катышки.

– Ты, гляжу, ученый... – уважительно протянул парень. – Да только я это и без умных книжек знал, а чуть припекло – купился как простачок юродивый. Хошь не хошь, придется теперь все добро отдать, а то неклюд мне жизни не даст, непременно проклянет али сглазит. Сглаз-то взаправдашний бывает?

– Бывает, – честно сказал Дар.

– Вот то-то и оно, – вздохнул Данька, понуро тряхнув вожжами. – Ладно, уж как-нибудь справлюсь... без меча проживу, на рубаху заработаю, а кольцо... на кой дураков плодить?

С версту ехали молча. Под копытами и колесами шуршала разноцветная листва, будто вкрадчивым голосом старого неклуда напоминая: «Должок!» Данька усердно горюнился, сероволосый думал, в помощь голове перебирая по обрешетке пальцами. Писец небось, в таких щепках ухоженных только перо и держать.

Впереди уже показалось общинное пастбище, по которому в ленивом перезвоне бубенцов бродили пестрые коровы, когда Дар решительно тронул Даньку за плечо:

– Нет, этого так оставлять нельзя! Да будь он хоть трижды колдун, жизнью-то ты рисковал, а ему только руки потирать осталось!

Парень представил, как неклюд с горящими глазами перебирает и укладывает в клеть Данькино кровное, и ему стало совсем тошно.

– Так ничего ж не попишешь... обещал... ить колдун даже из-под земли достанет... – уныло хлопнул носом доверчивый герой.

Дар крепче стиснул руку на его плече.

– А ты поди сейчас к нему и скажи: «Мол, извини, добрый человек, да только не верится мне, что это твоими стараниями мне такая удача привалила. В яму ветер листвы нанес, медведь на дохлую овцу отвлекся, а у того мужика своей удачи с избытком хватало».

– Ты что, он же меня по стенке размажет! – вскинулся Данька.

Мужчина усмехнулся, поднял ладонь, призывая помолчать, пока он не доскажет.

– И добавь: «Но я, как человек честный, готов хоть сейчас тебе всю добычу отдать. Вон уже и телегу под окно пригнал, да только хочу напоследок убедиться, то ли купил, что выторговал». Узелки такие вязать умеешь?

– Умею, – растерянно поддакнул Данька. – А толку? Удачи-то они не приносят...

– То-то и оно! Тебе и надо доказать, что они ничем не хуже неклюдских. Затянешь у него на глазах три узелка и предложишь их испытать. По мелочи. Ну, монетку там бросить и загадать, чем выпадет, яблоко под одной из двух мисок спрятать.

– А ежели не угадаю? Шутка ли, три раза подряд...

– Отдашь телегу, – пожал плечами сероволосый. – Теперь уже ты ничем не рискуешь. Данька призадумался. Крепко призадумался.

* * *

Идти на неклюда оказалось, пожалуй, пострашнее, чем на паучиху. Кое-как отвязавшись от восторженно вопящей толпы, белый как мел Данька остановил кобылу возле неогороженного домишки на отшибе, за которым смертеутверждающей картинкой виднелся погост.

Судорожно сглотнув, Данька умоляюще оглянулся на спутника, но тот непреклонно сдвинул брови и кивнул на дверь: иди, мол, герой!

Как только парень скрылся в сенях, сероволосый полуслез-полусполз с телеги и, придерживаясь рукой сначала за обрешетку, а потом за стену дома, кое-как доковылял до окна и встал сбоку, чтобы посматривать в него одним глазом и не выявиться самому.

А поглядеть было на что. Данька мямлил и заикался, комкая в дрожащих руках шапку, но идею спутника более-менее до колдуна донес, не расплескал. Правда, Дар чуть было не усомнился – а не вылетит ли парень из неклюдской избы, глянув на перекосившееся от злобы лицо старика, но Даньке терять уже было нечего. Выдержал.

Колдун, видимо, считал Даньку круглым идиотом, ибо даже не трудился этого скрывать.

– Монетку, говоришь? Хор-р-рошо... – зловеще прошипел он. Цопнул горстью воздух, как назойливую муху, и, разжав ладонь, показал парню толстую монету неведомой чеканки. Завораживающе перекатил между пальцами и снова стиснул кулак. – Ну, венки или руны?

Плохо дело. Деньга-то наверняка зачарованная, а то и вовсе колдовская: когда крутишь, видно две стороны, а на самом деле только одна и есть.

Чтобы понять это, Даньке даже не нужно было быть колдуном. Загодя признавая свое поражение, он распустил узелок, кинул на глумливо щерящегося неклюда жалобный телячий взгляд, и совершенно неожиданно для себя брякнул:

– Ребро!

И полетела Данькина удача, трепеща крутящимися боками, как диковинная бабочка-однодневка. Зазвенела по столу, определяясь, какой стороной выпасть – нет ли на ней кукиша для наглядности, подкатилась к самому краю, брякнула об пол, описала кружок по комнате, скрылась под столом и...

Данька с колдуном одновременно задрали скатерть.

Даже скупому неклюду не стоит экономить на полах. Вся его магия против щели в трухлявых досках – тьфу и растереть.

Колдун так заскрежетал зубами, словно те росли у него в три ряда.

К следующему испытанию он подошел куда осмотрительнее: мисок выставил целых пять, а яблоко выбрал самое маленькое и сморщенное, еще и в последний момент попытался спрятать его в карман. Не вышло: яблочко, как живое, вывернулось из пальцев и само скользнуло под миску, а тут уж и парень обернулся.

Угадал. Хоть и взопрел весь, выбирая.

С выбором третьего испытания промучились долго. Приободрившийся Данька наотрез отказался выбирать и выпивать из двух бокалов тот, что без яда (разве что на пару с колдуном, но тогда отказывался колдун), стоять под заклинанием, надеясь, что оно не сработает («может, ишшо в пропасть сигануть – авось полечу?») и угадывать, сколько неклюду лет («э-э, откуда мне знать, что ты правду скажешь? Может, все двести двадцать два!»).

Колдун позеленел, и Данька пожалел, что не согласился.

Наконец сошлись на гостях. Постучится первым в дверь мужик – Данькина взяла, баба – следующий узел на своей шее, наглец, затянешь!

Неклюд снова повеселел. Гости к нему заглядывали редко, а сегодня утром он успел сговориться с мельничихой, что после обеда та зайдет к нему, дабы пакостными колдовскими методами сжить со свету паршивку-невестку.

И надо же такому случиться, что какой-то босоногий пацаненок, в вихре пыли пролетев мимо степенно шествующей по дороге тетки, рывком распахнул дверь колдуньей избушки и, счастливо выпалив: «Дяденька неклюд, там вашего черного петуха бродячий кобель задрал и уже второе крыло отъедает!» – с чувством выполненного долга бросился обратно – смотреть, околеет бедная псинка после такой трапезы или нет.

– Ах ты, щенок паршивый! – рявкнул колдун, весенней жабой выпучив глаза. Но дверь успела захлопнуться, и мальчишка побежал дальше на своих двоих и без хвоста.

Усмехнувшись уголками губ, сероволосый отступил от окна, успев присесть на край телеги прежде, чем на порог вылетит безмерно счастливый, невероятно удачливый, а теперь еще и неописуемо, по сельским меркам, богатый Данька.

В отличие от него, Дарлай Рудничный, боевой маг с десятилетним стажем, мастер телекинеза и эмпатии, колдунов не боялся.

Просто не любил конкурентов, особенно жадных, бесчестных и зарвавшихся.

Один к двум

Косуля лежала на дне расселины, и Трию только и оставалось бессильно ругаться у обрывистого края. Узкий ручеек тянул из пятнистой тушки алые разводы, неестественно вывернутая голова злорадно паялилась на охотника остекленевшим глазом, заставляя усомниться, что послужило причиной гибели – безоглядный прыжок или торчащая в боку стрела.

Вкрадчивый шепот осыпи заставил Трия отпрянуть. Вот проклятая тварь! Нашла где издохнуть. Он и так весь в мыле, а теперь придется тащиться домой за веревкой – час туда, час обратно, и то если его не припрягут к какому-нибудь делу на благо общины. Приметное черно-рыжее оперенье стрелы не убережет добычу от случайного прохожего, скорее наоборот. Трий и так имел право только на пятую часть туши, остальное придется отдать племенным: им, дескать, есть на что тратить силы...

Нет, по такой круче он точно не спустится, все ноги переломает. Надо возвращаться.

Трий закинул лук на плечо и потрусил прочь, не оглядываясь, чтобы не травить душу. Наискось пересек луг, выжелтив бабки липнувшей к поту пылью, и двинулся вдоль леса, по самому краешку древесной тени. Строго говоря, не стоило бы вообще касаться ее копытами, но уж больно жаркий денек выдался – полоумному магу тоже вряд ли захочется вылезать из чащи и швыряться заклинаниями. Откуда он тут взялся, никто уже не помнил; ходили слухи о жуткой трагедии, подвинувшей его рассудком; о беглом чародее-ренегате времен знаменитого белорусского Противостояния; об обете целомудрия, сохранять который легче всего в глуши и одиночестве. Была и вполне реальная версия, что маг прибыл сюда по распределению из Старминской Школы Чародеев, Пифий и Травниц, но быстро спился и одичал.

Раз в месяц старикан в драной мантии выползал на опушку, пускал пару молний из посоха, привлекая внимание местных жителей, страшно бранился на всех языках сразу, грозил карой небесной, земной, водной и своей собственной, пророчил всякие гадости, после чего выменивал снадобья на хозяйственную утварь и зерно для кур, и с чувством выполненного долга убирался обратно в лес.

Соваться в гости к самому магу никто не осмеливался, даже по жизненной необходимости. Обоим жившим по соседству народам проще было обозвать лес заповедным, одновременно избавляясь от необходимости ловить безумца и «сохраняя для потомков природные богатства родного края», как писалось в официальных документах.

Наконец ели сменились кленами, и Трий вздохнул посвободнее: здесь «владения» мага заканчивались, можно нырнуть в тень поглубже.

– Ну, как поохотился?

Взгляд самым нахальным образом выхватил из явившихся ему прелестей высокую грудь в оковах черного дырчатого лифа. Засим последовали: львиная грива волос вокруг прелестного личика с томными лиловыми глазами, тонкая талия с бисерным пояском, лоснящийся круп и умопомрачительный хвост почти до самой земли. Короче, кобылица была прекрасна, как горная вершина под зимним солнцем: такая же белоснежная, манящая, холодная и недоступная.

– Эээ... привет, Кнарра, – отозвался Трий, с усилием сглотнув слюну. Задние ноги независимо от него исполнили несколько плясовых движений, а хвост распушился самым неприличным образом.

Кобылица хитро прищурилась:

– Вижу, ты рад меня видеть?

«Безумно, – с досадой подумал жеребец. – Как нищий корчму: из окна едой тянет, а приходится мимо проходить».

– Что ты здесь делаешь?

– Гуляю, – мурлыкнула нахалка и в доказательство неспешно обошла вокруг замершего жеребца, будто невзначай задев его крупом. Трий стиснул зубы. – Что, неудачный денек?

– Нормальный.

– А где ж твоя добыча?

– Кнарра, чего тебе надо? – напрямик спросил жеребец, стремясь поскорее покончить с приятным до отвращения обществом.

– Да так, поболтать хотела. – Кобылица невинно пожала обнаженными плечиками. – А ты чем-то занят?

– Нет, просто ты занята, – грубо ляпнул Трий. Вот привязалась! Ей забава, а ему хоть сквозь землю провались.

– Ну-у, разве настоящего жеребца это остановит? – Кнарра провокационно махнула хвостом.

Трий, не отвечая, пошел дальше. Ноги заплетались, что есть мочи противясь хозяйскому решению. С возрастом он люто возненавидел весну, чьи сладкие дары оборачивались для него ядом. Другие жеребцы с утра до ночи сражались за желанный приз на песчаном пляже Родового озера... а он не имел права даже подойти к берегу.

– Они там, а ты здесь, – словно прочитала его мысли красотка. – Кто узнает? У Гитра в роду были гневные...

Жеребец приостановился в нерешительности. Кобылицы по весне тоже становились блудливее кошек, однако без мужского внимания не оставались даже самые старые и уродливые. Напротив – хуже всего приходилось молодым и красивым, которые хоть и гуляли с вожак-ком табуна, да вот беда: в компании еще дюжины. Жди еще, пока до тебя дойдет очередь, грызись с соперницами... Может, она и не шутит, а упускать такой случай...

Кнарра уже стояла с ним бок о бок, прогнув спину и мелко, часто вздрагивая. Смотрела кобылица куда-то вверх, на невидимого под солнцем жаворонка – ничего не вижу, ничего не слышу, мало ли кто там сзади подкрался... В висках у Трия зашумело, глаза заволокло багровой пеленой. Он щелкнул зубами и взвился на дыбы, неуклюже подогнув передние ноги, но едва успел ощутить брюхом теплую спину кобылицы, как спаренный удар в круп опрокинул его на землю.

Подняться ему тут же помогли – лишь затем, чтобы наградить еще одним ударом, на сей раз кулаком и под дых.

– И что же ты, поганец, тут делаешь?! – Вороной Бронс был в ярости. Три дня назад лучшие жеребцы табуна сходились в смертном бою ради этого белого цветочка – и чтобы его похода сорвал какой-то недомерок?!

Пока двое других жеребцов удерживали преступника за руки, вороной хорошенько поучил его уму-разуму, остановившись лишь когда у Трия подломились колени. Полюбовавшись на свою работу, Бронс ухватил гнедого за гриву на висках и прошипел ему в лицо, нарочно растягивая слова:

– Ты, низший жеребец и сын низшего жеребца, в этом табуна нет твоих кобыл! Как ты посмел об этом забыть?!

Трий бессильно выщерился в ответ, по подбородку потекла кровь. Кнарра гарцевала поодаль, пряча опущенные глаза в челке. Мнения кобылиц, от кого бы им хотелось завести жеребят, никто не спрашивал, зато и поднимать на них руку, а уж тем более копыто не смел даже вожак.

– Возможно, – чалый Вройн выбился в племенные уже в зрелом возрасте и потому был настроен более миролюбиво, – девочка сама с ним заигрывала? Устоять перед обаянием весенней кобылицы не под силу даже мерину...

– Я? С этим?! – Кнарра презрительно фыркнула и отвернулась.

Трий похолодел и даже перестал вырываться. Признайся кобылица, что да, ей захотелось подразнить молодого и горячего сотабунника – и тот отделался бы хорошей трепкой и парой недель насмешек. Самой Кнарре грозил лишь выговор от старшей кобылы, но она не пожелала поступиться даже такой малостью.

– Ну, выбирай – задние или передние, – насмешливо предложил третий, пегий жеребец, вытаскивая из поясной сумки кривое ржавое шило.

Трий отшатнулся, из-под нервно перебирающих копыт полетели комья вывороченной земли. Державшие его руки впились еще крепче.

– А может, сразу... – Бронс сделал выразительное, стригущее движение пальцами.

Если он хотел просто попугать Трия, то это ему удалось. Пленник решил, что терять ему уже нечего, и внезапно брыкнулся, попав пегому в колено. Тот взвыл и разжал пальцы, и Трий тут же заехал освобожденной рукой Вройну в нос, избавляя чалого от остатков симпатии к ослушнику.

Кинувшийся на помощь Бронс оступился, подарив Трию секунду форы, по истечении которой племенные с возмущенным визгом бросились в погоню.

Гнедой прекрасно понимал, что на лугу племенные догонят его в два счета и единственное его спасение – лес. Пробуравив кусты, как крот грядку, Трий запетлял между деревьями, словно давешняя косуля, о чьей плачевной кончине жеребец старался не думать.

Более крупные, зато менее поворотливые племенные были вынуждены сбавить скорость. Угрожающие вопли раздавались все реже и тише, пока совсем не умолкли.

Когда Трий в очередной раз оглянулся, вслед ему махали только еловые лапки.

Жеребец озадаченно остановился. Эхо дожевало топот его копыт и брезгливо сплюнуло в чашу.

Странно. Трий покрутился на месте, держа наготове лук с положенной на тетиву стрелой. Нет, послать ее в сотабунника он бы не решился, но они-то об этом не знают!

Действительно, никого. Только тетерев в кустах булькает, не то увлекшись «пением», не то приняв жеребца за безобидного лося. Даже эта дурная птица всю наслаждается жизнью, а его за одну-единственную попытку чуть калекой или мерином не сделали! Где ж тут справедливость?!

Обозленный на весь мир Трий подбросил крупом и что есть мочи лягнул ближайшую сосну. Засохшее и успевшее подгнуть дерево только того и ждало, чтобы с треском ухнуть на малинник. Тетеревов там оказалось аж трое, перепуганные птицы шумно взвились вверх, а вбок с воплем вылетело нечто оборванное и бородатое, в котором Трий с ужасом опознал пресловутого полоумного мага.

Злокозненный старец, тихо-мирно сидевший под кустиком в располагающей для раздумий позе, был, мягко говоря, недоволен. Он попятился, одной рукой придерживая спадающие штаны, а вторую выставил вперед, сыпя искрами, как точильный круг, и заверещал что-то неразборчивое.

Ничего ему объяснить или хотя бы извиниться Трий не успел: невидимый великан ухватил его одной рукой за торс, второй за круп и с размаху хрястнул об колено.

Невыносимая боль в спине стерла все мысли, а затем и сознание.

Последнее, что увидел жеребец, – свой собственный хвост, исчезающий в столбе света...

* * *

Полуденное солнце раздвинуло листву и любопытно потыкало лучом в лежащее под деревом тело.

Трий с трудом разлепил опухшие веки и увидел ползущего по травинке жука.

Боли он больше не чувствовал.

Как и задних ног.

Жеребец отчаянно рванулся вперед. Встать удалось легко, даже слишком: Трий тут же снова зарылся в траву, уже носом. Прикосновение земли к груди и одновременно животу было неопишимо жутким, хребту табунника в жизни так не изогнуться.

Что этот старый засранец с ним сделал?!

Трий судорожно приподнялся на руках и увидел отпечатки копыт, ведущие обратно к опушке. Здесь был кто-то еще? Почему тогда не попытался ему помочь или добить?

Следы были странно знакомыми. Еще плохо соображавший жеребец оглянулся через плечо и увидел чьи-то широко раскинутые ноги – эльфа или человека, у гномов намного короче, у троллей волосатее. Трий мутным взглядом попытался проследить, кому они принадлежат, и снова лишился чувств – на сей раз от ужаса.

* * *

– Гля, мертвяк! – Голос был грубый, с хрипотцой.

– Где?

– Да вон, под кустом! Свежачок, еще даже побелеть не успел. Интересно, откуда он здесь взялся?

– Мне куда интереснее, кто его оприходовал, – проворчал второй, поопытнее и поопасливее, – и обобрать успел?

– Не успел, вон лук лежит. Ого, кентаврийский! – восторженно завопил первый, окончательно вернув Трия в этот гнусный мир. Пальцы сжались на плече лука, как раз когда чужак вцепился в него с другого конца. Вторая рука нашарила ремень колчана и саданула им вора по загривку. Тот испуганно охнул и выпустил добычу, стрелы с сухим треском раскатились по земле.

Трий открыл глаза и рывком сел. Вставать он уже не пытался, разом вспомнив, что с ним приключилось.

Табунники с людьми не враждовали, но держались отчужденно. Трию, как низшему жеребцу, приходилось общаться с купцами, и он хорошо знал всеобщий язык и более-менее разбирался в повадках этой расы.

– Кто вы такие? – негромко, тщательно подбирая слова, спросил он.

Люди, два мужика лет под сорок, как-то нехорошо переглянулись. Третий, с наброшенным на голову мешком и связанными впереди руками, воспользовался заминкой, чтобы рвануться в сторону, но натянувшаяся веревка быстро охладила его пыл.

– Тих-ха! – прикрикнул хриплый. – Ты-то сам что за гхыр, а?

Трий, привыкший, что к жеребцам, даже низшим, люди относятся с куда большим уважением, отвечать на вопрос тоже не стал. Незнакомцы с каждой секундой нравились ему все меньше и меньше. Насколько он знал, люди сейчас ни с кем не воевали, а значит, законно брать пленников не могли. Ох, что-то здесь нечисто!..

Насупленные лица мужиков, прокрутивших в головах примерно то же самое, остро заставили жеребца почувствовать себя четвертым лишним.

– Говори, покуда добром спрашивают! – рявкнул второй, потянув из ножен длинную острую железяку.

У Трия еще оставался шанс что-нибудь соврать, сослаться на мага или самому прикинуться полоумным, но тут из-под мешка пронзительно завизжали:

– А-а, я говорила, что вам не удастся уйти от возмездия, гнусные разбойники! Убейте же их скорее, мой отважный спаситель!

Никому из присутствующих эта идея не понравилась. Мужики грозно засопели, Трий попытался отползти назад, но быстро уткнулся в дерево. Юркнуть в него наподобие дриады, увы, не получилось.

– Учтите, я буду защищаться! – неуверенно предупредил он.

Мужики впервые одарили жеребца широкими улыбками. Полуголый, диковатого вида парень со спутанной копной волос и содранными в кровь коленями не показался им серьезным противником. У него даже меча не было. Табунники вообще не любили рубящее оружие, зато весьма преуспели в стрельбе, а также в метании камней, один из которых жеребец уже успел нащупать.

Что стукнуло громче – увесистый голыш или соприкоснувшийся с ним лоб – Трий не разобрал. Подбитый мужик взмахнул руками, словно собираясь взлететь вместе с закружившимися перед глазами птичками, сделал красивый оборот на месте и рухнул в кусты, позволив Трию сосредоточиться на втором противнике. От удара по мечу лук сломался, но свою задачу – отвести клинок в сторону – выполнил. Лягаться пяткой оказалось намного больнее, чем копытом, но почти так же эффективно. Если знать куда, конечно. Когда удрученный такой подлостью мужик согнулся пополам, жеребец набросил ему на шею тетиву, перекрутил и дернул обломки дуги в стороны. Убивать человека он не собирался, выпустил, как только тот покладисто улегся рядом с дружкой. Может, еще и оклемается.

Третий человек так и остался стоять между двумя соснами, втянув голову в плечи. Трий перевел дух и присмотрелся. Кажется, это самка – только они обматывают ноги цельными кусками ткани. Как там ее?.. Человека? Людка?..

– Иди сюда, – устало позвал он, нашаривая на перекрутившемся поясе сумку и доставая из нее охотничий нож.

– Зачем? – тут же насторожилась пленница, наперекор пятясь назад.

– Ну, если тебе нравится ходить с мешком на голове...

Людка призадумалась. Трий, привыкший к взбалмошности кобылиц, спокойно ждал.

– А ты случайно не упырь?

– Нет.

– И не тролль-людоед?

– С какой радости?

– Ну, как-то уж больно легко ты с ними справился... – Людка недоверчиво покачала мешком.

Трий так бы не сказал. У него до сих пор кровь в висках стучала.

– ...и тихо, – закончила подозрительная самочка. – Кажется, ты не мой рыцарь.

– Я вообще не рыцарь, уж извини.

– В смысле, не из тех, кого отправили на мои поиски. – Людка сделала пару шагов на его голос и снова замерла в нерешительности. – А я тебя вообще знаю?

– Может, я все-таки сниму мешок и ты сама посмотришь?

– Ладно, – наконец решила привереда. – Ты где?

– Пять шагов. Еще один. Нагнись.

– А это зачем?! – Отскочить людка не успела. Трий, чьему терпению тоже имелся предел, сцапал ее за край тряпки и силой усадил на землю.

Под мешком обнаружилась худенькая, симпатичная и очень сердитая мордашка с черной гривой, мало уступающей кобыльей. Жеребец и людка подозрительно уставились друг на друга, но ничего особо страшного не заметили.

– Ну спасибо! – Зардевшаяся людка изящным жестом протянула Трию руку.

– Ну пожалуйста, – буркнул жеребец, засовывая нож за пояс. Мужики пока не подавали признаков жизни, но на месте бывшей пленницы он бы поспешил убраться отсюда как можно дальше. О чем честно ей и сказал.

– Как?! – округлила глаза людка. – Ты даже не проводишь меня до ближайшего села? Бросишь одну в этом темном и зловещем лесу?!

– Нет, я покажу тебе пальцем на светлую и безопасную опушку, – жеребец тут же выполнил свое обещание, – за которой ты увидишь торговый тракт. Посидишь часок на обочине, какой-нибудь воз да проедет.

– Но я слышала, как один разбойник говорил другому, что поблизости водятся кентавры! – драматическим шепотом сообщила людка.

Трий поморщился. Он терпеть не мог этого дурацкого слова, которым люди называли его расу – видите ли, чтобы с обычными лошадьми не путать. Все бы ничего, но словечко было созвучно одному из табунниковых ругательств (видимо, именно его услышал от местных жителей первый ступивший на Шаккару человек).

– И что с того? – Жеребец с ненавистью поглядел на ноги, кокетливо пошевелившие ему пальцами. – Съедят они тебя, что ли?

– Нет, но сейчас же весна... – Людка смутилась и покраснела. – А они такие... такие... в общем, порядочной девушке вроде меня с ними лучше не встречаться!

– И как ты себе это представляешь?! – вконец обозлился Трий. – Такую гхырню только людк... девушки придумать и могли, которым ихняя порядочность в одном месте жмет!

– Хам! – Людка надула губки и отвернулась. Подождала, полюбовалась комарами (сами насекомые любованием не ограничились) и с еще большим возмущением поняла, что извинений не дождется. – Эй, ты чего сидишь?!

– А что я должен делать?

– Ну... встать хотя бы!

– Если бы я мог это сделать, то только бы ты меня и видела, – огрызнулся Трий, осторожно счищая иголки с расшибленных коленей.

– Ой, – тон людки тут же поменялся на встревоженно-сочувственный, – что у тебя с ногами? Ты их поранил?

– Нет, – сквозь зубы процедил Трий. – Они от меня сбежали!

– Чего? Так вот же...

– Их должно быть вдвое больше! – в сердцах брякнул жеребец.

– А! – новость что сообщила людка. – Сейчас.

Девушка метнулась к зарослям орешника и, громко потрещав ветками, приволокла Трию две длинные палки.

– Фот, – торжествующе сообщила она, на ходу отгрызая последнюю измочаленную, но не сдающуюся веточку. – Тфои нофые кофтыли! Мерфкие рафбойники, как они пофмели напафть на калеку!

Жеребец, который совсем было вознамерился лечь и помереть прямо здесь, уставился на нее в полнейшем недоумении.

– Давай, вставай! – Людка всунула палки ему в руки рогулинами кверху и услужливо подхватила Трия под мышки. – Раз, два...

Гнедой не успел опомниться, как очутился на ногах. Он судорожно впился в палки и закачался на них, как новорожденный жеребенок.

– Бедненький! – Девушка продолжала заботливо его поддерживать, только мешая сохранять равновесие. – И давно ты... такой? С детства, да? Заболел или спиной ударился? А...

– Часа два, – буркнул Трий, глянув на солнце.

– А что случилось?

– Угораздило на мага наткнуться, он в меня каким-то заклинанием и засветил...

– Тогда тебе срочно надо к придворному чародею! – вдвое против прежнего засуетилась людка, и без того напоминавшая жеребцу звонкого, вертлявого овода. – Вдруг оно какое-нибудь ползучее, к вечеру еще и руки отнимутся?

– А вдруг оно еще и заразное? – вкрадчиво предположил Трий. Ну да, так этот чародей и кинется ему помогать!

– Таких не бывает, – возразила людка (украдкой, впрочем, отряхнув руки о юбку). – Думаешь, ты один от этого мага пострадал? Да во дворец каждый год по дюжине жалобщиков приходит! Половина, правда, сами с головой не в ладах или нажиться хотят. Всем невинно пострадавшим король обещает бесплатное исцеление и моральную компенсацию, это все равно дешевле, чем постоянных лесников держать. Да и маг обычно по мелочи гадит: то икоту найдет, то облысение... странно, чего это он на тебя взъерился? – Девушка подозрительно уставилась на жеребца.

– Я его испугал, – признался Трий. – Нечаянно, правда.

– Нечаянно не считается, – решительно возразила людка. – Пойдем вместе, я подтвержу, что ты невинный... ну, то есть жертва. К тому же ты меня спас, и тебе полагается награда!

– Разбойников король тоже оплачивает? – удивился жеребец.

– Нет, глупый! Он оплачивает меня, я его племянница!

– О боги... – Трий слишком хорошо успел уяснить, что от племенных кобылиц лучше держаться подальше. Угроздило же снова нарваться!

– Ты что, не рад?! – возмутилась девушка. – Да любой рыцарь нашего королевства спит и видит, как оказаться со мной наедине... эй, а где твои штаны?! Их что, тоже маг украл?

– Угу, – буркнул жеребец, рассудив, что с мерзкого старикана не убудет, а признаваться людке, кто он, совсем не с копыта.

– Старый извращенец! – с чувством сказала девушка. – Хм... думаю, вот эти тебе подойдут.

И тут же так ловко содрала штаны с одного из разбойников, будто всю жизнь только этим и занималась.

– Одевай!

– Как? – Трий недоуменно уставился на протянутую ему тряпку. Девушка расценила его вопрос по-своему, отнесся к нынешней ситуации, а не к штанам вообще.

– Поднимай ногу! Выше... еще выше... ой! Знаешь, я думаю, лучше сделать это лежа...

Жеребец, который уже и так лежал, приподнял голову и поглядел на нее с предельно недружелюбным выражением, дозволенным в отношении кобылиц.

– И безрукавка у тебя какая-то совсем жидкая, – продолжила девушка, хозяйственно ухватив разбойника за рукав.

Трий хотел возразить, что он в ней даже зимой ходил, но спохватился, что его действительно познабливает. Хлипкому человеческому телу требовалась более теплая одежда, а заодно и обувь. Кошмар какой-то – не говоря уж о том убожестве ниже пояса... весенний задор как рукой сняло.

Гнедой безропотно позволил натянуть на себя все, что девушка сочла нужным, и снова поставить себя на ноги.

– Ну давай, пошли! – поторопила довольная людка. – Наш чародей мигом все исправит, обещаю!

Жеребчик вздохнул и сделал первый неуверенный шаг.

* * *

Спустя три часа Трий понял, что погорячился насчет телег. Ни одна по тракту так и не проехала. Оставалось только надеяться, что они идут к жилью, а не от него.

Гнедой более-менее приноровился ковылять на этом пятипалом убожестве, чувствуя себя большим калеккой, чем если бы ему прокололи сухожилия. Пятки жгло углями, зверски болела поясница – спину приходилось держать по-другому, и хотя «стараниями» мага его позвоночник

обрел нужные изгибы, жеребец постоянно забывался и откидывался назад, каждый раз еле избегая падения.

Как выяснилось, самка человека мало чем отличалась от кобылицы. Разве что копыт к ее вздорному норову не прилагалось.

– Так что, говоришь, с тобой случилось? – рассеянно переспросил Трий, вырванный из раздумий неожиданной паузой в людкиной трескотне.

Девушка, только что закончившая излагать свою печальную историю, обвешанную подробностями, как утопленник раками, ошеломленно хватанула ртом воздух. Краткий, но эмоциональный пересказ уместился в трех словах:

– Меня похитили разбойники!

– Да ну? – удивился жеребец. – А с виду такие приличные люди...

– Приличные?! – снова взвилась людка. – Ты называешь это приличным – набросить мешок на голову ничего не подозревающей девушке, перекинуть ее через седло и уволочь за тридцать верст от дома?!

– Я видел здешних разбойников. – Трий деликатно умолчал, что он с ними еще и шашлыки из оленины жарил; ребята были очень компанейские и уверяли, что они не бандиты, а знахари пуши – должен же кто-то взять на себя эту неблагодарную работенку! – В лесу с банями и портными не густо, знаешь ли. А твои похитители выглядели так, словно ехали на званый ужин.

– Ну, не знаю, – неохотно сбавила тон людка. – Но их способ знакомства мне все равно не понравился! И где это они ужинать собирались? У кентавров?

Трий с трудом представлял себе эту картинку. Табунники вообще бы не выпустили эту компанию из леса, все переговоры с людьми велись на их земле. Особенно весной, когда племенные жеребцы приходили в ярость даже при виде собаки, приближающейся к их гарему.

– Тебе виднее, это ж тебя украли.

– Наверное, они хотели получить за меня выкуп, – поразмыслив, предположила девушка.

– Или уже получили. Авансом, – не удержался от шпильки гнедой.

– Чего?! Ах... ты... да дядя во мне души не чает! Я, между прочим, его единственная племянница, а детей у него нет.

– Так он же вроде еще не старый, – припомнил Трий купеческие рассказы о нынешнем короле.

– Нет, но жениться во второй раз не хочет, – с искренним сожалением вздохнула девушка. – А тетя семь лет назад умерла...

– Выходит, ты еще и его единственная наследница?

– Ни за что в жизни! – пренебрежительно отрезала девушка. – У меня есть дела поинтереснее, чем протирать юбки на троне.

– Например?

– Ну... писать картины. И у меня отлично получается, я даже на выставку в Стармин их возила! – торопливо добавила людка.

Трий, вопреки ее подозрениям, не рассмеялся. Художники, способные остановить мгновение, запечатлев на холсте летящую птицу или цветок-однодневку, искренне его восхищали. Вот только у табунников подобное занятие считалось пустой тратой времени. Впрочем, рисовать они и не умели.

– А я луки делаю, тоже вроде неплохие. Жалко, мой сломали, а то я бы тебе показал. – Жеребец прикусил язык, спохватившись, что «кентаврийский» лук от человеческого отличит даже ребенок.

– Ух ты! – Девушка посмотрела на него куда уважительнее. – Обожаю рисовать оружие. У дяди огромная коллекция, всех известных мастеров. Поговори с ним, может, он тебя в поставщики для войска возьмет! А ты откуда родом?

– Оттуда. – Трий неопределенно махнул рукой назад.

– С побережья? – удивилась его спутница, без раздумий вычеркнув с мысленной карты земли табунников.

– Вроде того...

– Ты ведь не коренной шаккарец, да? У тебя такой интересный акцент!

– О, смотри! – Показавшееся впереди село спасло Трия от скользкой дорожки, на которую свернул разговор. Вдвойне вовремя: уже начинало смеркаться и от леса расплзался туман, под покровом которого любили охотиться мантихоры.

Людка величественным жестом поправила прическу (точнее, намекнула, что обычно она там имеется), одернула платье и смело направилась к первому же дому.

– Э-эй, извините!

– А? – Хозяин, лысый кряжистый мужик лет пятидесяти, был занят: пытался пропихнуть сквозь дыру в плетне застрявшую там свинью. Свинья не лезла и очень по этому поводу возмущалась.

– Мы хотим попросить вас об одной услуге.

– А?..

– Нам нужна ваша помощь...

– А?..

– Я племянница самого короля! Я желаю переночевать в этом доме!

– А?.. – Мужик не выдержал и по-простому дал свинье пинка под зад. Та пробкой вылетела из забора, для порядка повизжала еще несколько секунд и умолкла. – Ну, чего вам?

Девушка, успевшая вспотеть и сорвать голос, уставилась на него с невыразимым упреком. Прежде чем ей удалось отдышаться, Трий порылся в сумке и протянул мужику тяжелую монету.

– За стол и ночлег.

– Так сразу бы и говорили. – Хозяин попробовал деньгу на зуб и махнул рукой, приглашая в дом.

Селяне уже успели поужинать, но для гостей стол накрыли заново.

– Лесса, – представилась девушка, когда селянин назвал свое имя и вопросительно поднял брови.

– Трий.

– Очень приятно! – Путники переглянулись и рассмеялись, спохватившись, что за несколько часов трепа так и не удосужились познакомиться.

Человеческая еда была пресноватой и слишком горячей. Но табунники в общем-то ели все, а низшим жеребцам привередничать и вовсе не приходилось. В общине Трий был чуть ли не самым мелким и неказистым – хуже своего отца, которому все-таки удалось заслужить кобылицу (тоже не великую красавицу, что отразилось на сыночке не лучшим образом). Для человека же он оказался выше среднего роста, а по поведению хозяйских дочерей заключил, что не лишен привлекательности. Сначала жеребчик подумал, что, видно, не разбирается в местных обычаях и подобное внимание принято оказывать любому гостю, но потом заметил кислое выражение Лессино лица и чуть не рассмеялся. Не-эт, все женщины совершенно одинаковы!

Художница, гордо усевшаяся во главе стола, с негодованием обнаружила, что места на лавке по обе стороны от гостя пользуются куда большим почетом. Хозяин постоянно гонял дочерей то в кладовку, то во двор по хозяйственным нуждам, но они неизменно возвращались, как осы к миске с вареньем. Мрачно поерзав на стуле, девушка заявила, что у окна ей слишком жарко, и, подхватив миску, пересела к Трию под бок. Помогло это ровно наполовину: соперницы стали по очереди пристраиваться с другой стороны жеребца.

Тогда Лесса начала незаметно, но решительно теснить Трия к краю лавки, пока чуть совсем не сбросила. Зато и для «цыпочек» насеста не осталось.

Теперь уже помрачнели селянки.

– Мягкий у тебя, парень, характер, – укоризненно заметил мужик, когда Лесса на минутку выскользнула во двор. – Баб в строгости надо держать, у меня бы она – у-у-у!

Трий философски пожал плечами. Жеребцов с детства приучали относиться к кобылицам как к чему-то стихийному вроде ливня и урагана, и по сравнению с ними Лесса была приятным грибным дождиком. Напротив, тихая и покорная хозяйская жена вызывала у Трия оторопь.

* * *

Наутро жеребчик сам умудрился встать с постели и после некоторых колебаний оставил костыли прислоненными к стене. Чувствовал он себя так, словно вчера галопом обскакал Шакарку вдоль побережья.

– О, тебе уже лучше! – обрадовалась Лесса. – Может, чародей и не понадобится?

– Понадобится, – сквозь зубы процедил Трий, путаясь в дырочках сапожной шнуровки.

– Тебе виднее, – не стала спорить девушка. – Я договорилась насчет телеги, нас отвезут прямо к королевскому дворцу.

Новость слегка подняла гнедому настроение, и со вторым сапогом он закончил в считанные минуты.

До столицы они добрались без приключений. Наоборот: дорога была такой скучной и нудной, что Трий несколько раз слезал с телеги и шел рядом, разминая ноги. Те вели себя прилично, но с копытами, конечно, сравниться не могли. Раньше он трусцой обогнал бы эту клячу, как стоячую, а теперь еле за ней успевает.

Жеребчик впервые видел человеческий город и с ходу не смог решить, нравится он ему или нет. Народу уйма, дома стоят плотно, воняет, как на помойке, но при этом столько всего нового и интересного, что не успеваешь головой по сторонам крутить. Дворец и вовсе поража воображение, белой скалой возвышаясь над домами. Стражники у ворот телегу внутрь не пустили, но отдали Лессе честь и помогли слезть на землю, не выказав особого удивления. Видимо, шепутная королевская племянница заявлялась сюда и не в таком виде. К Трию стражники пригляделись внимательнее, однако вместе с девушкой пропустили беспрепятственно.

Навстречу гостям с радостным лаем кинулись два рыжих пса. Лесса присела и сгребла их в охапку, как здоровенные меховые игрушки, позволив вылизать себе все лицо. Трию псы вежливо помахали хвостами, дав осторожно себя погладить.

Как только путники поднялись по ступеням высокого крыльца, вышколенные слуги распахнули перед ними двери. Девушка даже не замедлила шага, уверенно направившись к широкой мраморной лестнице. Во дворце было тихо и прохладно, послы и челобитчики уже разошлись по домам, а придворные – по покоям или городским трактирам. Вдоль всей лестницы висели картины, но не геральдические портреты, а изображения монстров, такие красочные и достоверные, что слуга, ночной порой спускающийся по ступеням со свечкой в руках, рисковал очутиться у входной двери с седыми, стоящими дыбом волосами.

– Что это? – Трий кивнул на особенно поразившее его изображение полотно.

– Гарпия, кружащая над умирающим рыцарем, – с кровожадным блеском в глазах сообщила девушка. И с надеждой дернула гнедого за рукав: – Тебе нравится? Я ее три месяца рисовала.

– Безумно, – с содроганием поддакнул жеребчик. Талант у Лессы определенно имелся – только к нему надо было привыкнуть. – Похоже, твой дядя от них тоже в восторге?

– Ага. – Польшенная художница бережно поправила покосившуюся картину. – Когда они висели в его спальне, он собственноручно завешивал их простынями, чтобы полотна не выгорали. Правда, вечером постоянно забывал открывать, поэтому в конце концов велел перенести их сюда, пусть народ любит.

– Мудрое решение, – одобрил гневой, поскорее проковыляв мимо зеленой, как будто всплывающей из проруби-рамы утопленницы с желтыми змеиными глазами.

– Хочешь, я тебя нарисую? – окончательно расцвела девушка.

– Э-э... не хочу тебя утруждать. Думаю, у тебя и так много заказов.

– Ну, не так уж, но хватает, – с гордостью призналась Лесса. – Обычно в подарок знакомым заказывают, хотя бывает, что и для себя. Вон посмотри на ту, в золоченой раме! Это наш канцлер.

– Который, синий или рогатый?

– Нет, с плавниками. Честно говоря, – девушка понизила голос, – я уже не знала, как от него отвязаться. И пяти минут не мог спокойно постоять, начинал грудь выпячивать и комплиментами сыпать! А мне он нужен был в профиль и вообще с оскаленными зубами... так что пришлось потом дяде немножко попозировать.

– А канцлер не оби... почему он ее не забрал?

– Сказал, хочет, чтобы его изображение осталось в нашей галерее, постоянно напоминая мне о нем, – низким торжественным голосом передразнила Лесса. – Как будто я его живьем каждый день не вижу! А как тебе вон тот эльф?

Эльф был хорош, даром что повешенный на сосне. Под его полуобглоданными ногами радостно скакали вурдалаки. К счастью, девушка решила отложить подробную экскурсию на потом и, подойдя к высоким двустворчатым дверям, дернула их за бронзовые кольца.

В тронном зале сидели два человека (один собственно на троне, другой на подлокотнике), с двух концов изучая длинный, испещренный рунами свиток и негромко споря. Мужчины были примерно одного возраста, типичные шаккарцы – темноволосые и светлоглазые, еще и одеты почти одинаково, в темные неброские костюмы. На скрип двери тот, что обосновался на троне, поспешно с него вскочил, а второй туда уселся.

– Фу, Леська, это ты! – облегченно выдохнул король, откидываясь на спинку. – Хоть бы постучалась, что ли...

– Дядя! – Девушка взбежала на тронное возвышение, на ходу распахивая объятия.

Его величество горячо расцеловал Лессу в обе щеки и с легким изумлением вытащил изо рта рыжую шерстинку.

– До чего ж славная у меня племяншка, – заметил он своему собеседнику. – Всего три дня не виделись, а сколько радости!

Девушка слегка отстранилась и удивленно наморщила лобик:

– Разве меня так часто похищают?

– Ты о чем, солнышко?

Лесса негодуяще отпрянула и по-селянски уткнула руки в бока.

– Я думала, ты уже всю Шаккару на уши поставил, а оказывается, ни сном ни духом?!

Мужчины оторопело переглянулись.

– Ну, деточка, – виновато забормотал король, – ты же иногда по две недели во дворце не появляешься! Я был уверен, что ты собираешься осчастливить мир новым шедевром, – с содроганием пояснил он.

Король глянул в сузившиеся глаза племянницы и поспешил исправиться, загремев в полный голос:

– Кто посмел покуситься на особу королевской крови?! Назови мне имена этих нечестивцев, и они пожалеют, что родились на белый свет!

– Да не надо уже, – смягчилась Лесса и, торжественно указав на Трия, объявила: – Вот он, мой спаситель!

На сей раз история Подлого Злодеяния, дополненная Чудесным Избавлением, заняла каких-то полчаса, но ноги у Трия все равно успели затечь – под пристальным взглядом короля он не осмеливался даже шелохнуться.

– Ну, выглядите вы совсем неплохо, – изволил пошутить его величество. – Надеюсь, нанесенный вашему здоровью ущерб не столь велик, как мерещится моей впечатлительной племяннице.

– Дядя! – возмутилась девушка. – Я же просила!

– Все, больше не буду, – покладисто согласился король и повернулся к стоящему с другой стороны трона мужчине. – Знакомьтесь: мой придворный чародей, архимаг-практик. Вы не представляете, скольких уговоров и денег мне стоило переманить его из Стармина! Зато это лучший специалист на Шаккаре.

– Его величество хочет сказать, что до сих пор мне везло, – с улыбкой уточнил маг, не чинясь, спустился с тронного возвышения и протянул гнедому руку. – Можете звать меня просто Верес.

– Трий. – Жеребец ответил на рукопожатие. Придворный маг сразу ему понравился: спокойный, деловитый и ироничный, ничего общего с тем полоумным из леса. – Вижу, у вас тоже есть собака?

– С чего вы взяли? – удивился Верес.

– У вас вся одежда в шерсти. Серой. – Трий ткнул пальцем в целый пучок прилипших к рубашке волосков.

– А-а, – неожиданно смутился тот, делая неубедительную попытку отчистить материю. – Ну да, есть у меня... собачка...

– Большая? – из вежливости уточнил жеребец.

– Очень, – с чувством сказал маг и поспешил вернуться к делу. – Так что с вами случилось, уважаемый?

Трий покосился на девушку, поманил Вереса пальцем и, смущаясь и оговариваясь, изложил ему на ухо свою проблему.

Маг действительно оказался профессионалом: он лишь слегка изменился в лице, соорудив из бровей две аккуратных галочки.

– Одну минутку, – вежливо сказал он, – мне надо посоветоваться с королем.

Девушка с растущим беспокойством наблюдала, как Верес, сохраняя задумчиво-загадочное выражение, неспешно поднимается по ступеням и склоняется уже над монаршим ухом.

– Ага, – протянул король, в точности скопировав интонацию чародея, – ага... Понятно. Мои извинения и искренние соболезнования, я и подумать не мог!.. Но, может, вам лучше побеседовать наедине? Похоже, тут дело достаточно интимное...

Девушка уже готова была рухнуть в обморок, а Трий – провалиться сквозь землю от смущения.

– Да, пожалуй, – торопливо пробормотал он.

– Пойдемте. – Маг махнул рукой в сторону неприметной двери за тронном, и жеребец, неловко поклонившись королю, поспешил скрыться с глаз долой.

В кабинете у Вереса было просторно и уютно, в камине горел ровный, не дающий жара (куда еще в такую погоду!) огонь, вокруг квадратного дубового стола стояло несколько глубоких кресел, на полу лежала невеста чья впечатляющих размеров шкура, а с тридцатисвечной люстры свисал черный кружевной лифчик, изумительно вписывающийся в обстановку.

– Вина?

– Пожалуй. – Трий ожидал, что маг щелкнет пальцами и у него в руках очутится по наполненному бокалу, но Верес по-простому подошел к стенному бару и зазвенел бутылками.

– Так, говорите, вы видели свою убегающую... половину? – Чародей указал на кресло, но Трий отрицательно помотал головой. Он никак не мог привыкнуть к человеческой привычке садиться при каждом удобном случае, у табунников это считалось постыдной слабостью. – Очень хорошо. Это означает, что имело место разделение, а не трансформация с невосполнимыми потерями.

– Что ж здесь хорошего? Как представляю, что оно так там безголовое и бежит... – Трия передернуло.

– Ну, у вас же выросли человеческие ноги, – резонно заметил маг, – значит, и... э-э-э... нижняя часть внакладе не осталась. Возможно, ей даже перепал кусочек вашего разума.

– Так, выходит, у меня и с головой не все в порядке?!

– Исчезло то, что относилось к управлению... эээ... четвероногим телом, некоторые примитивные, животные инстинкты, – успокоил жеребца маг. – Думаю, из него вышел неплохой... хм... конь.

– А из двух неплохих нас как-нибудь можно снова сделать одного хорошего меня?

Верес всмотрелся Трию в глаза, поводил ладонями вдоль тела, уделив особо пристальное внимание месту, с которого начиналось новоприобретенное безобразие, и заключил:

– Думаю, да. Мне понадобится пара дней, чтобы составить контрзаклинание, а вы пока поймите беглую... беглеца и приведите сюда.

Жеребец растерянно переступил на месте. Где искать удравшую – любезничать с самим собой не было смысла – задницу, он понятия не имел. Ее уже сто раз могли сожрать волки, а то и полоумный маг.

– А другую... то есть другого коня туда присобачить нельзя?

– Увы, – развел руками чародей, – это все равно что просить пришить вам чужую ногу.

Трий, успевший представить себя мускулистой зверюгой на пядь выше Бронса, вздохнул еще печальнее. Маг наконец заметил лифчик и, воровато покосившись на уставившегося в бокал гостя, сдернул люстрианное украшение и сунул в карман.

Вызванный Вересом писец тщательно занес в свиток приметы «любимого королевского жеребца редкой кентаврийской породы» и пообещал, что островные глашатаи проорут их на всех перекрестках еще до наступления темноты.

– Ничего, – чародей ободряюще похлопал Трия по плечу, – если конь еще жив, то его быстро найдут. Лошади не любят одиночества, он наверняка прибьется к чьему-нибудь табуну, а обещанная королем награда заставит селян прочесать все леса. Думаю, конь будет у нас еще до конца недели. Погуляйте пока по городу, развейтесь...

– А вам я больше не нужен?

– Да нет, – пожал плечами маг. – Я уже снял слепок вашей ауры, вот прямо сейчас и приступлю к работе.

– Зачем тогда было идти к вам в кабинет? Все это можно было сделать и в зале.

– Как это зачем? – Верес неожиданно проказливо улыбнулся. – Чтобы дядюшка с племянницей могли посплетничать в свое удовольствие!

– Отсюда второй выход есть? – вконец упавшим голосом осведомился Трий. Он предпочел бы повторно столкнуться с полоумным магом, чем с разгневанной кобылицей – тьфу! – девушкой.

– Разумеется! – Чародей отдернул портьеру и услужливо распахнул перед жеребцом потайную дверь, куда более захватанную, чем главная.

* * *

Трий брел по улице, чувствуя себя последним идиотом. Ну почему он сразу не признался Лессе, кто он такой?! На нее в тот день и так куча шишек сыпалась – одной больше, одной

меньше. Зато сейчас бы не пришлось переживать. Хотя в чем он, собственно, виноват? Трий и не утверждал, что он человек. И вел себя вроде бы достойно, придраться не к чему... Леший, и все равно – как ей теперь в глаза посмотреть?

Одно хорошо: жеребец внезапно обнаружил, что двух ног ему вполне хватает и шагают они уверенно, уже не требуя присмотра. Более того, Трий стал куда ловчее и проворнее, без труда поднимаясь по узким крутым ступенькам или разворачиваясь на месте. К тому же исчез страх перед переломами, вечно терзающий его соплеменников. Кости ног у взрослых кентавров срастались так плохо и медленно, что калеки предпочитали уйти из жизни по своей воле.

– Эй, ты!

Трий поднял глаза и понял, что где-то этого типа уже видел. Только тогда у него были рыбы плавники и хламида из водорослей, а не бархатный костюм с белоснежными кружевами и золотой вышивкой.

– Это ты, бродяга, нашу стеномазку спас? – с ленцой поинтересовался канцлер, словно бы невзначай держа руку на изящном оголовье клинка при поясе. Смотрел он куда-то над плечом Трия, словно брезгуя самим жеребчиком.

Гнедой оглянулся: сзади приближались еще трое, перегородив переулок.

– А в чем дело?

– Сейчас тебе все объяснят, – пообещал высокородный хам, отступая и пропуская вперед еще одного приспешника.

– Ты, чужак, – гнусаво и пренебрежительно заявил тот, – в этом городе нет твоих женщин! Понял? Поэтому либо ты до заката убираешься отсюда...

И тут Трий озверел. Мало того что в табуне его считали кем-то вроде мерина, так теперь еще какие-то плюгавые людишки смеют ему указывать?!

– ...либо мы по частям выносим тебя прямо сейча-а-ас...

Если третий вариант и существовал, то жеребец его не дождался, привычно развернувшись и лягнув подкованным сапогом.

* * *

Во дворец Трий вернулся уже затемно, грязный, окровавленный и в одних штанах. В драках с племенными ему случалось пострадать намного сильнее, так что чувствовал он себя неплохо, а с учетом победы – и вовсе отлично. Жеребец тихонечко проскользнул в отведенную ему комнату, собираясь наскоро ополоснуться над ведром и завалиться спать, но не тут-то было.

В комнату ворвалась Лесса, раздраженно, как кошка хвостом, помахивающая колючим прутом – чайной розой, с которой девушка нервно оборвала не только лепестки, но и листья. Вряд ли она безвылазно сидела у окошка на караульной башне – видимо, ее оповестила стража у ворот. Слуги, как Трий успел заметить, любили королевскую племянницу: скандальную, но добрую и справедливую.

Пока жеребец лихорадочно соображал, поздороваться или сразу спрятаться под стол, девушка выронила прут и с неподдельным ужасом воскликнула:

– О боги! Что с тобой случилось?!

Мигом сориентировавшийся Трий закатил глаза и умирающим лебедем рухнул на так удачно стоящую рядом кровать.

Через пять минут вокруг его «смертного ложа» бестолково носилась целая орда служанок с тазиками теплой воды, бинтами и чистой одеждой. Гнедой с удовольствием наблюдал за ними сквозь ресницы, не забывая душераздирающе постанывать.

Спешно поднятый с постели чародей (судя по его бодрому и вместе с тем недовольному виду, лежал он там не ради сна) осмотрел раны Трия, проницательно ему подмигнул и включился в хор оханий и причитаний.

Мужская солидарность сделала свое черное дело. К тому моменту когда каждая царапина была забинтована, а все синяки густо намазаны холодящим снадобьем, Лесса не только не сердилась на гнедого, но и сама, заламывая руки, раз десять извинилась перед ним за свою назойливость.

Рассказ о канцлере, возмечтавшем о королевском троне, вызвал бурю негодования. Верес сообщил, что занятый полоумным магом лес – единственное место на Шаккаре, куда не проникает магический поиск. Злоумышленникам оставалось только подождать, пока король хватится племянницы и объявит ее розыск, а там уж явится «отважный рыцарь» и торжественно ее спасет. Следующим пунктом плана была «внезапная» смерть короля, так что рассвет канцлеру (и без того лишившемуся трех зубов) предстояло встретить в застенках.

– И ты их победил?! – с замиранием уточнила Лесса. – Всех пятерых?

– Ерунда, – отмахнулся жеребец, удобно развалившись на подушках. – Это были всего лишь люди.

– А ты сейчас кто?

– Об этом я как-то забыл, – признался Трий. – Но мне и в табуне частенько приходилось драться с более сильными жеребцами... точнее говоря, все они там были сильнее меня. Приходилось брать ловкостью, чтобы хотя бы остаться в живых.

Лесса неожиданно наклонилась к жеребчику, чмокнула его в губы и, окончательно смутившись, выбежала из комнаты.

Верес одобрительно подмигнул изумленно глядящему ей вслед Трию.

* * *

Коня привели на пятый день – четверо мужиков, отчаянно спорящих, как они будут делить награду. Животное жевало узду, стригло ушами и взирало на собравшихся с мрачным презрением.

Как Верес и предрекал, конь получился отличный: лоснящийся, длинноногий, с шелковистой гривой и светло-голубыми глазами. Трий зачарованно обошел вокруг животного, сердито рывшего землю копытами. Вон та проплешинка на боку – шрам от копыта жоака, а вот здесь его цапнул волк, прежде чем жеребец сбросил хищника с крупа и затоптал...

Трий обернулся и увидел шесть пар с надеждой уставившихся на него глаз: придворного чародея, которому не терпелось опробовать новое заклинание, удачливых ловцов, уже слышащих звон королевского золота, и самого короля, тщательно скрывающего любопытство. Лесса, прикусив губу, смотрела в землю.

Трий печально потрепал коня по шее и покачал головой:

– Увы, совершенно не похож!

Капкан для некроманта

Луна так причудливо вытянула и изломала скользкую по земле тень, что даже дракон пустился бы наутек, не дожидаясь, когда из-за угла покажется отбрасывающее ее чудовище.

Рыжая псина, дремлющая частично под крыльцом (хвост – вещь нежная, надо его беречь), а частично снаружи (свежий воздух, к тому же вдруг есть позовут?), приподняла голову, принялась зевнуть и деловито сдала задом, прячась целиком. Не то чтобы она кого-то боялась, а так, на всякий случай. И вообще, разве порядочная собака не может просто замерзнуть?

У задней стены дома, полускрытая кустами орешника, стояла лестница. Но четырьмя когтистыми лапам удобнее взбираться прямо по бревнам.

Распахнутое окно второго этажа чуть слышно поскрипывало ставнями. Тонкие занавески выбились из-за подоконника и плескались на ветру, как застрявшее в проеме привидение, а в стоящей под окном кровати по всем канонам жанра полагалось безмятежно почивать среди подушек и розовых лепестков прелестной златокудрой девицы в кружевной рубашке до пят.

Подушки были. Розы – тоже, дюжины полторы, небрежно засунутые в шербатый кувшин с водой, слишком для них короткий. Рубашка висела на спинке стула, подменяя кружева дырами, рядом полулежали сапоги, а в кровати дрых, то есть почивал, укрывшись углом простыни, худой черноволосый мужчина.

Тень втянулась в окошко вслед за хозяйкой, карающим мечом пала на спящего и начала расплзаться по нему с самыми гнусными намерениями. Шевелящиеся от нетерпения когти уже почти коснулись смуглой кожи, как вдруг мужчина сладко потянулся, окончательно сбивая простыню, и, неожиданно обхватив меня за шею, смачно впился губами в оскаленную морду.

– Ну наконец-то! Мне уже становилось холодно и одиноко в этой огромной постели...

– Эй, ты чего?! – Я ошалело попятилась, фыркая и мотая головой. – Дай я хоть ипостась сменю!

– Зачем? Так даже оригинальнее.

– Извращенец! – Я все-таки вырвалась, скатилась на пол и сердито встряхнулась. – Все белье в шерсти будет... Ты когда приехал?

– Сегодня вечером. – Верес заложил руки за голову, дразня меня нарочито алчным взглядом – как будто не только раздевающим, но и ошипывающим.

– И где полночи шляется?

– Изменял тебе с другой нежитью, разумеется.

Я невежливо показала хвост его довольной ухмылке. До сих пор не люблю при нем превращаться, но уже по другой причине: перетекающая в лицо морда имеет обыкновение производить на зрителей такое сильное впечатление, что самой иногда в кошмарах снится. Со спины еще терпимо.

– Ну погоди, вот сейчас дух переведу и кинусь тебя душить из ревности... – Теперь и голос звучал чище, и усилий для разговора приходилось прилагать меньше. А чтобы Верес не посчитал меня обманщицей, я действительно вскочила на кровать и с боевым кличем нацелилась на его горло.

Несколько минут мы со сдавленным рычанием и хохотом катались по постели, потом замерли в обнимку, целуясь уже по-настоящему. Наконец я со счастливым вздохом спрятала лицо у него на груди. Боги, как же я соскучилась! Так бы вечно и лежала, вдыхая знакомый запах и прячась в нем от окружающего мира... Не хотелось ни о чем расспрашивать, ничего рассказывать – просто наслаждаться безмятежным покоем.

Верес к решительным действиям тоже не переходил, да и вообще, похоже, начал задремывать, заполучив такую уютную грелку в моем лице и прочем теле.

– Эй, а кто только что грозился надругаться над бедной нежитью?! – возмутилась я, приподнимаясь на локте. Мне самой дико хотелось спать, но поддразнить мужчину – еще сильнее.

– Давай утром, а? – чуть виновато предложил Верес, подбирая простыню и натягивая ее до самых подмышек. – Я только что с кладбища вернулся.

Я легонько куснула его за ухо.

– Надо же, а с виду как живой!

– Только с виду. Видишь ли, меня поставили перед жестоким выбором: либо я резво бегаю и много колдую, либо наслаждаюсь вечным покоем в одной из могил. Вот я и подумал, что отдохнуть еще успею.

– Ты же некромант, – ехидно заметила я. – Ты должен уметь поднимать все!

Конец фразы смазался зевком, и колдун, усмехнувшись, провел ладонью по моим распущенным волосам, мягко заметив:

– Шел, ты дурачишься.

– Угу, – согласилась я, снова утыкаясь носом ему в шею. Потом легонько тронула ее губами и почувствовала, как крепче сжалась обхватывающая меня рука. Не сказать чтобы удобно, зато приятно. Ладно уж, пусть держит, во сне все равно отодвинемся и уляжемся поудобнее...

* * *

Утро началось со стонов и ругани – ни колдун руку не убрал, ни я не откатилась. В итоге рабочая некромантская конечность затекла до полной потери чувствительности, а у меня, напротив, так ныла шея, словно по ней стукнули поленом.

– Ночь любви, чтоб ее!.. – сердито шипела я, пытаюсь одновременно удерживаться от мата и смеха. – Не разогнуться...

– Значит, удалась! – глубокомысленно заметил Верес, но тут рука очнулась и ему стало не до сарказма.

Я потянулась за висящим под «кружевной» рубашкой халатом, но меня бесцеремонно опрокинули обратно на кровать, предложив «давай поцелую в мордочку, и все пройдет», действительно поцеловали, я замурлыкала, и как-то незаметно выяснилось, что рука у Вереса тоже прошла, да и вообще он прекрасно себя чувствует... даже очень прекрасно... можно даже сказать, изумительно... ох!..

– Ой, а чем тут у нас мама с папой занимаются? – вкрадчиво поинтересовались от двери.

Мы смутились и заниматься прекратили. На пороге, кокетливо отставив голую ножку (да и верх в полупрозрачном халатике на одной завязочке считался лишь условно прикрытым), стояла дриада, умудряясь казаться соблазнительной даже с восьмимесячным ребенком на руках. Ревновать я, конечно, не стала, но оценила.

– Доброе утро! – жизнерадостно констатировала Ларрина, сгружая на кровать запыхтевшего от восторга карапуза. Разумеется, первым делом Ройм пополз к давно не виденному папаше, сияя улыбкой во все двадцать зубов – пока что единственное его отличие от человеческого детеныша. Я невольно залюбовалась сынишкой: черноволосый, синеглазый, ничуть не похожий на моего первенца... и хвала богам! Он – это только он, и не надо нам лишних сравнений и воспоминаний.

– Ох, ну ты и здоровенный стал! – Верес поднял малыша на вытянутых руках, покачал из стороны в сторону, и тот завизжал от восторга.

– Ты ж его всего две недели не видел, – ревниво напомнила я.

– Вот, целых две недели!

Враки это, что дети уже через несколько дней забывают уехавшего человека. Или Верес просто каждый раз нравился Ройму заново?

Я встала и осмотрелась, но кроме роз (уже подвявших), одежды на стуле и сумки с узорчатой бляхой под ним, ничего нового в комнате не заметила.

– Это что, все твои вещи?

– Остальное в Школе, мне выделили комнату в крыле для наставников. – Колдун щелкнул пальцами, и цветы снова подняли головки. – Ксандр попросил меня прочитать курс лекций по практической магии. Кстати, он и тебя приглашал.

– В качестве наглядного пособия? – съехидничала я.

– Да вроде нет, – почесав кончик носа, серьезно ответил Верес. – Кажется, у него к тебе какое-то дело.

Я заинтересованно оглянулась.

– А именно?

– Не знаю, он спешил на экзамен, и мы обменялись всего парой слов. Увижу – спрошу.

– И когда ты приступаешь?

– С завтрашнего дня.

Я подавила разочарованный вздох. Ну вот, а я-то размечталась...

– Это только до обеда, – поспешил добавить колдун. – Ну и парочка ночных практикумов.

– Да ладно, не оправдывайся. Но сегодня ты у меня?

– Если не выгонишь, – улыбнулся Верес с самоуверенностью таракана, от которого можно избавиться только вместе с домом.

– Тогда посиди с ребенком, пока я на рынок схожу, – обрадовалась я, распахивая шкаф. – А то Ларрина грозила куда-то с утра убежать, а у меня в кладовой пусто.

– Не убежать, а отправиться на секретное и очень важное задание по поручению Правительницы Ясневого Града, – внушительно поправила дриада.

Когда «государственные дела» заносили Ларрину в Стармин, она жила у меня, открыто заявляя, что ей жалко тратиться на постоянный двор. Я так же бессовестно припрягала ее к домашнему хозяйству, и все были счастливы.

– Это оно вон там, у забора, пугало изображает?

Душное летнее утро уже слизало с травы росу, взамен вытопив ее из багровой лысины мнущегося перед калиткой человека. Мужу было под сорок, роскошный камзол трещал на круглом брюшке, под мышкой торчали украшенные бантиками розы. Я с тайным злорадством отметила, что мои лучше.

Дриада по пояс высунулась из окна и послала «заданию» воздушный поцелуй.

– Все, Шелль, мне пора! – заторопилась она, выпархивая из комнаты.

Развалившийся на постели колдун умиротворенно наблюдал, как я одеваюсь. Ройм сосредоточенно пытался содрать у него с пальца одно из колец. Я знала, что простых украшений Верес не носит, но раз он так спокойно позволял сыну играть с амулетами, легко взрывающихся среди них не было.

– Через полчаса покормишь его, ладно?

– Угу. – Над чародейской ладонью затрепыхала крылышками иллюзорная бабочка. Ройм изумленно приоткрыл рот и попытался схватить ее обеими ручонками.

– И молока дашь.

– Угу.

– Подогретого, а не прямо из крынки!

– Угу.

– И смотри, чтобы он к лестнице не подползал!

– Угу.

– И вообще глаз с него не спускай!

– Угу.

– Эй, ты меня хоть слушаешь?

– А?.. – Бабочка рассыпалась искрящимся облачком. – Иди-иди, все будет нормально.

Я с сомнением покачала головой. По мнению Вереса, он прекрасно управлялся с младенцем, по-моему – до сих пор ему поразительно везло. К тому же я подозревала, что возвращаемое мне чадо отсутствием синяков было обязано не бдительному присмотру, а целительским способностям папочки.

Тем не менее из дома я вылетела как на крыльях, еле удержавшись, чтобы не скакнуть через все семь ступенек крыльца. Помахала рукой соседкиному задку, приветливо торчащему из грядки с морковью (как я успела убедиться, глаза на нем были, да еще какие!). Тетка выпрямилась, потерла поясицу и кисло поздоровалась. Похоже, я была нешуточным бельмом на ее глазу: незамужняя, с ребенком, но при этом привлекательная, независимая, да еще и архимага в «сердечные друзья» умудрилась отхватить! Конечно, соседке было далеко до бабки Шалиски: та сплетничала исключительно бескорыстно, из любви к искусству, – но класть ей палец в рот я бы не рискнула. Ко мне и то безопаснее.

Рыжая нагнала меня уже у калитки и первой выскочила на улицу, не дожидаясь, пока я откину крюк. Здоровенная собака, внезапно взвизгивающая над глухим забором и с гулким «Баммм!» приземляющаяся на дощатую мостовую, случайным прохожим почему-то не нравилась, что стоило мне уже дюжины кладней – это не считая настойки пустырника, которая прилагалась к каждой монете. Сутки напролет держать псину на цепи мне было жалко, и я тешила себя надеждой, что с возрастом собака остепенится. «Или станет еще крупнее, – мрачно подумала я, – и тогда впечатлительных бедолаг придется не отпавивать, а тишком стаскивать на задний двор и закапывать возле уборной, чтобы запах перебивало».

– Рыжая!

Псина на бегу вильнула хвостом, показывая, что приняла мою критику к сведению. Более оригинальные клички к ней не липли, хотя мы перебрали несколько дюжин. Дольше всего продержалась предложенная Вересом Гшыха, пока знакомый тролль, ухмыляясь от уха до уха, не объяснил мне, что означает это слово, и собака снова стала просто Рыжей.

За первым же поворотом деревянная мостовая сменилась каменной. Солнце еще не успело скатать расстеленные возле домов тени, и от булыжников приятно веяло холодком. Я долго не хотела перебираться в Стармин, но Верес был прав: после войны в мелких городках, а особенно деревеньках на отшибе, было неспокойно. Ладно еще мародеры или прячущиеся от Ковена колдуны-ренегаты, но загрызней до сих пор никак не могли переловить – слухи о них приходили то с севера, то с юга. Да такие, что хотелось не только запереться в погребе, но и закопаться там в бочке с квашеной капустой. Команды боевых магов по пять-шесть человек постоянно прочесывали леса, однако твари были хитры и на ловцов бежать не желали. Зато терпеливо выжидали, пока кто-нибудь из охотников потеряет бдительность... и не напрасно. Порой я не видела Вереса по месяцу и начинала не на шутку беспокоиться – в чем, разумеется, никогда не признавалась.

В самом начале, когда я только-только закончила выметать мусор из углов, колдун как бы между прочим спросил, сколько мне нужно на прожитие. Естественно, я тут же ощерилась и гордо заявила, что это его не касается. Мужчина философски пожал плечами и спрятал кошель, даже не пытаясь спорить, что несколько меня озадачило и даже обидело. Все-таки он отец Ройма, хоть я и упрямо твердила, что это было только мое решение и колдун нам ничем не обязан...

Разгадка наступила через три дня, когда Верес уже уехал из города: по утрам у нашей двери стали появляться то головка сыра, бережно завернутая в полотенце, то кольцо колбасы или корзина яблок. Оказывается, подлый колдун тишком работал в округе, беря плату натурой и уговариваясь с хозяевами, куда ее принести.

Так оно и повелось. Я смущенно ворчала, Верес же только ухмылялся, ибо к его приездам добро бывало уже съедено или хотя бы надкусано и для демонстративного возвращения не годилось.

В общем, все было так прекрасно, что я начинала уже тревожиться: чем мне придется рассчитываться с судьбой за столь щедрый кредит?..

За раздумьями и воспоминаниями я как-то незаметно дошла до центра города, откуда уже видны были шпили Школы Чародеев. До рынка оставалось рукой подать, мимо безымянной корчмы и в горку. По утрам этой дорогой мало кто пользовался, уж больно крутой подъем, зато в обед тут было не протолкнуться от возвращающегося с торжища народа.

Корчма, отстроенная и открывшаяся всего месяц назад, еще не работала. На приставленной к стене лестнице опасно колыхался Безник – худой, лысоватый и добродушный дядька, – собственноручно подновляя вывеску над входом в свое заведение. Завсегдатаи, давясь от хохота, с удовольствием рассказывали эту печальную историю всем желающим.

У корчмаря, на его беду, имелся художественный вкус, и ни один из местных стеномазов ему не угодил. Тогда Безник решил нарисовать «лицо корчмы» сам. Результат получился ошеломляющий: на нежно-коричневом пригорке сидели три мужика, страдающих хроническим косоглазием вкупе с жестоким похмельем, между которыми вырастал из земли не то зеленый змий, не то развесистая конопля. Пройти мимо корчмы, не осенив себя крестным знаменем, удавалось разве что некромантам, выдавшим и не такое (хоть и нечасто). Впрочем, злорадное хихиканье конкурентов быстро сменилось черной завистью – народ валом повалил в корчму, интересуясь, что же здесь подают, если даже вывеску так развезло.

Уже завязав с корчмарем приятельские отношения, я осторожно выяснила, что на рисунке изображены боги за сотворением хмеля. Оставалось надеяться, что «натурщики» никогда сюда не заглянут – пиво в корчме было вкусное, и лишаться ее по вине молнии или потопа не хотелось.

– Ах ты зара... о, спасибо! – Безник облегченно выдохнул и принял у меня из рук упавшее ведро. Проходи мимо кто-нибудь менее проворный – и косоглазых типов стало бы на одного больше.

Я собиралась добродушно отмахнуться «не за что!», однако глотнула горячего летнего воздуха и передумала.

– А пена на этом «спасибе» будет?

– Непременно, – заверил корчмарь, возвращаясь к вдохновенной мазне. – Заходи на обратном пути, налью с верхом.

– Название еще не придумали? – сочувственно поинтересовалась я, глядя на оставленную для рун полосу.

Безник удрученно помотал головой и снова упустил ведро.

– Может, что-нибудь возвышенное? Вроде «Хмельных куш»? – предположил он, убедившись, что я и на этот раз не сплеховала. – Нет? Хм, мне тоже как-то не очень... А, ладно, само со временем придет!

Я тактично умолчала, что среди посетителей корчмы уже давным-давно ходят целых пять названий, но Безнику они вряд ли понравятся. Самым благозвучным из них было «Три придурка».

Вернув ведро, я попрощалась и пошла дальше. Рыжая носилась вокруг, как арбалетная стрела с пружиной вместо древка, тычась носом во все углы и щели. Зато возле рыночных ворот она прижала уши и словно прилипла к моей ноге. У входа был привязан здоровенный племенной бык, провожающий всех тяжелым нехорошим взглядом. Хозяин животного, надвинув на нос плетеную шляпу, дремал в тени под стеной, предоставив скотокрадам, ежели такие дураки найдутся, выпутываться самостоятельно.

Не удержавшись, я первым делом отправилась к ряду травников и около часа упоенно копалась в «волчьем сене», как шутил Верес. Сам колдун предпочитал покупать готовые снадобья, а если и варил что-нибудь редкое, то с книгой в руке, поминутно обжигаясь, что-нибудь просыпая и чередуя заклинания с троллей руганью. Поскольку пользовался он смешанными, магически-травяными эликсирами, я мало чем могла ему помочь – только поехидничать. Но зубной лекарь, у которого я сейчас работала, наверняка обрадуется вот этому чудному корешку асперы лесной... и свеженькой мандрагоре, наша как раз кончилась... Платил лекарь хорошо, отношения у нас были дружеские, а лишний раз побродить по травяному развалу я никогда не отказывалась.

Наконец я спохватилась, что эдак на обед у нас будут одни зелья, и заставила себя перейти в овощной ряд. Рыжая оживилась: в валяющейся под прилавками гнили водилась уйма крыс. Охотиться на них, с лаем распахивая отбросы, злая хозяйка почему-то запрещала, но принюхиваться, как можно глубже засунув нос в щель, тоже было интересно!

Я приценивалась к ранней морковке, продающейся не на вес, а пучками по дюжине штук, когда заметила троих неспешно идущих вдоль ряда магов. Цепкие взгляды скользили поверх товаров, по лицам продавцов и покупателей.

Мне стало не по себе. Конечно, на глаз распознать оборотня невозможно, к тому же у меня в кармане лежала заверенная Ксандром грамота, что «подательница сего является почетным жителем Стармина и неприкосновенным лицом/мордой в обеих ипостасях», но побороть старинную неприязнь, не сказать покрепче, к магам-практикам не удавалось.

Потом я узнала в одном из них Катиссу Лабскую и немного успокоилась. Высокая, худая, по-мужски одетая и остриженная магичка знала, кто я. Что она по этому поводу думает, я понятия не имела, но Верес и Ксандр ей вроде бы доверяли.

– Рыщут и рыщут, – недовольно пробормотала торговка, ловко скручивая очередной пучок, – всех покупателей распугали...

– А что случилось?

– Да, говорят, некроманта какого-то ловят, – поморщилась та. – Из этих, репа-гадов...

– Ренегатов?

– Ага, – подтвердила тетка, – которые войну затеяли да проиграли. А один, подлюка, своим прикинулся, даже в магову дружину пошел, загрызнев ловить. Три раза в чащобу сходить успел, покуда ихний Ковен не спохватился: че-то маловато их оттудова возвращается, все один да один везунчик... Вот и ищут его уже вторую неделю, а сегодня ночью вроде как в городе видели. Ну что, будешь покупать? Возьмешь два пучка – уступлю за пять менок!

У меня снова засосало под ложечкой. Верес ушел в очередной поход как раз две недели назад... вернулся этой ночью, тайно, с полупустой сумкой... пару раз за минувший год он терял всю команду и рассказывать об этом очень не любил... а с него станется солгать, чтобы я не волновалась! Нет, представить Вереса замешанным в чем-либо подобном я не могла, но давно разочаровалась в справедливости Ковена – не найдет виновного, так назначит.

– Шелена!

Вот зараза, а я-то уже почти поверила, что они пройдут мимо.

– Ты, случаем, не знаешь, где Верес? – Магичка рассеянно взяла с прилавка морковку, надкусила и захрупала. Тетка недовольно засопела, но промолчала.

– Ну... э... а что?

– С вечера его ищу, поговорить надо. – Лицо у Катиссы было мрачное донельзя, словно зажатый у нее в руке овощ чем-то напоминал магичке ее злейшего врага.

– Зачем? – Я попятилась. Рыжая, почуяв мое настроение, сердито зарычала на магичку. Та, перестав жевать, непонимающе уставилась на нас обеих.

– Да Ксандр нам завтра лекции друг за другом поставил, так я хотела поменяться – пусть бы он первую отчитал, а? Боюсь проспать, у меня этой ночью шабаш с шашлыками намечается.

– А-а... – Я с нервным смешком вытащила из распотрошенного Катиссой пучка еще одну морковку, магичка взяла третью. От побагровевшей торговки донеслось нечто вроде сдавленного кваканья – видимо, это подала голос душившая ее жаба. – Хорошо, я ему передам. Думаю, он не будет возражать. – Колдун, ложившийся, как и я, далеко за полночь, вставал намного раньше, предпочитая подремать после обеда. Для мага-практика это самое спокойное время суток.

– Вы мне просто жизнь спасли! – обрадовалась магичка. – Буду должна. Да, и скажи ему, чтобы был настороже: по Стармину бродит Римар Заболотный.

– А кто это?

– Да так, – Катисса хмуро сплюнула морковный хвостик, – один неприятный тип. Верес знает.

Магичка прощально кивнула и пошла догонять коллег. Я переложила корзину в другую руку и душевно перекрестилась. К богам я относилась скептически, но, как ни странно, заученный с детства жест обладал успокоительной силой.

Морковку пришлось купить, иначе остаток пучка оказался бы у меня отнюдь не в корзине. Тетка с презрительным фырканьем ссыпала медяки в карман: знакомцы магов, да еще таких прожорливых, не вызывали у нее симпатии.

Настроение у меня все-таки подпортилось, и я, быстренько пробежавшись по остальным рядам, заторопилась домой – убедиться, что там все в порядке.

* * *

Верес с блеском выполнил поставленную перед ним задачу, подойдя к делу творчески. Посреди комнаты была начерчена и утыкана горящими свечами пентаграмма, в центре которой восседало на горшке наше ненаглядное дитяtko, мусоля какой-то амулет. В доме, несмотря на открытые повсюду окна, воняло горелой кашей. Сам колдун сидел за столом, обложившись вытряхнутыми из сумки книгами, и упоенно что-то строчил в свитке, еле успевая обмакивать перо в чернильницу.

При виде меня оба встrepенулись и заулыбались. Я выразительно потянула носом, и Верес, смутившись, начал оправдываться, что-де «экспериментальный образец» он сам съел, а второй вышел удачнее – по крайней мере, с виду.

– А это что такое?! – Я подошла к ребенку, но не успела нагнуться, как меня жახнуло по груди невидимой подушкой, отшвырнув назад.

Ройм залиvisto захохотал и запрыгал на горшке, брeнча им по полу.

– Ах да... – Верес наклонился и, послунив палец, затушил ближайшую свечу. Остальные в тот же миг погасли сами, а линии, на первый взгляд начерченные мелом, начали медленно таять.

Ошалело помотав головой, я зарычала, недвусмысленно намекая колдуну, что подобное объяснение меня не устраивает.

– Это всего лишь защитный контур от нежити, – поспешил оправдаться Верес. – Ты же сама просила приглядеть, чтобы он никуда не лез!

– Приглядеть, а не читать над сыном заклинания!

– А какая разница? – искренне удивился Верес. Мужская логика была проста и безупречна: порученный ему ребенок, одна штука, возвращен матери живым – чего еще хочет от него эта странная женщина?

Уничижительно фыркнув, я встала и наконец подхватила сына на руки. Освобожденный пленник благодарно треснул меня амулетом по лбу, а на попытку отобрать эту пакость разразился оглушительным ревом.

– Чем ты занимаешься? – Я подошла к столу, но все равно ничего не разобрала. Лежащий перед колдуном лист выглядел так, будто по нему топтался пьяный воробей.

– Составляю план занятий. Мне всучили сразу три курса: второй, шестой и восьмой. – Верес полюбовался на свою работу и подправил хвостик одной из рун, после чего та стала в равной степени напоминать две – вместо семи.

– Да, чуть не забыла, – спохватилась я, – Катисса просила, чтобы ты ее подменил.

Мужчина покладисто кивнул.

– Хорошо, как раз успею передохнуть перед следующей лекцией.

– И еще насчет какого-то Римара предупреждала, они его сегодня на рынке искали.

Верес продолжал писать, но в залитой солнцем комнате внезапно стало зябко. Когда чернила на пере кончились и оно заскрипело по пергаменту, колдун задумчиво повертел его в пальцах и предложил:

– Шел, а давай на недельку переедем в Школу?

– Зачем?! – опешила я. Туда даже людям не шибко хочется соваться, а уж оборотням... Благодарю покорно!

– Потому что во время лекций мне хотелось бы думать о практической магии, а не беспокоиться за вас с Роймом, – поколебавшись, признался Верес. – У меня с этим Римаром некоторые... разногласия. А в Стармине слишком многие знают, где и с кем я живу.

Я тяжело вздохнула:

– Вот уж чего я и представить не могла, что Ройм окажется в опасности из-за того, что он твой сын, а не мой.

– Жалеешь о своем выборе? – Колдун сказал это вроде бы в шутку, но я поняла, что мои слова его задели.

– Жалею, – согласилась я, ссаживая сынишку к отцу на колени, чтобы без помех разобрать корзинку с продуктами. – Надо было брать пирожки с капустой, а не с потрохами... Верес, не мели ерунды. Ну кому еще я смогла бы сказать: «Да по сравнению с тобой я просто овечка»!

Мужчина улыбнулся и поцеловал малыша в макушку, но проблема никуда не делась.

– Он что, действительно так опасен? – начала допытываться я.

– Римар хороший маг, – уклончиво сказал колдун.

– Лучше тебя?

– Смотря в чем. Он на четверть эльф, и темная некромантия дается ему легче.

– А что, бывает светлая? – удивилась я.

– Нет, только обычная и темная. – Верес поморщился: Ройм огрел амулетом и его. – Вторая по большей части запрещена к применению, но толковый некромант, разумеется, должен в ней разбираться. Это обряды на чужой крови, создание зомби из свежееубитого человека, гадание по внутренностям умирающего... – Колдун потянулся за пирожком и с аппетитом в него вгрызся.

– И ты все это умеешь?!

– Тебе правда хочется это знать?

– Нет, – согласилась я. – А что вы с этим Римаром не поделили?

– Это я навел на него Ковен, – нехотя признался Верес. – К сожалению, уже после того, как попытался справиться с ним в одиночку. О, морковочка!..

Похоже, занятия магией вызывали у чародеев острую морковную недостаточность – злополучному пучку не суждено было дожить до щей.

– Ты его упустил?

– Скорее он меня. – Выражением лица Верес сейчас удивительно напоминал Катиссу, поглощенную теми же мыслями и овощами. Неудивительно, что маги начали по трое ходить! – Там был лес, ночь, мы обменялись боевыми заклинаниями и разбежались. Но выгнившая до последней травинки поляна поути мне что-то не понравилась...

Я начала разделять его беспокойство, однако тащить в Школу маленького ребенка мне по-прежнему не хотелось – кто знает, как повлияет на него соседство с таким количеством магов? Причем, судя по рассказам Вереса, основную опасность представляли не магистры, худо-бедно контролирующие свою силу, а адепты, основной целью которых, казалось, было не выучиться на чародея, а сровнять Школу с землей. К тому же вместе с Роймом придется везти кучу вещей: одежды, пеленки, игрушки, кровать... И как я там буду готовить для него, стирать? И сушить где – натянуть веревки у Ксандра в кабинете?! Здесь мне хоть дриада изредка помогает...

– Можно Реста попросить, – неуверенно предложил Верес.

Я представила еще одну пентаграмму, только корявую. Колдун глянул на мое перекосившееся лицо и догадался, что это неудачная идея.

По ступенькам крыльца будто дубовой веткой прошуршали, и к нам присоединилась Ларрина – босая, с растрепанными волосами и столь вызывающе топорщившимся декольте, что груди для такого эффекта было маловато. К тому же там у нее что-то шелестело. Судя по довольному лицу дриады, секретное задание было успешно выполнено.

– Что случилось? – поинтересовалась она, миглом почуяв разлитое в воздухе напряжение.

Я объяснила. Верес не перебивал, но внимательно слушал, готовый, чуть что, поправить или добавить.

Ларрина отнеслась к дурной вести куда спокойнее.

– Ну так езжай в Школу, а малыша я в Ясневый Град телепортом заберу, – предложила она. – Правительница уже давно зовет вас в гости, у нее как раз внучка, ровесница Ройма, подрастает. Будет с кем поиграть, да и наши девочки придут в восторг – он у тебя такой лапочка!

– Но... не могу же я так просто... – растерялась я. – А когда ты отправляешься?

Дриада пошарила в сумочке, вытащила оттуда нечто напоминающее кисточку для пудры, сломала ее пополам, бросила под ноги и беззаботно объявила:

– Минуты через три.

– Нет, так не пойдет, – возмутилась я, – мне нужно хотя бы пару часов на сборы! И столько же на подумать.

– Извини, Шелль, я бы и сама от них не отказалась. – Ларрина шлепнулась на колени перед столом и вытащила из-под него загодя собранную дорожную сумку. Верес еле ноги с нее успел убрать.

– А тебя-то кто гонит?

– Ах ты, коварная тварь! – загремело с улицы. – Подлая нелюдь!

Я шарахнулась от окна, потом уж осторожно выглянув из-за откоса. К калитке, спотыкаясь в незашнурованных сапогах, приближался знакомый лысый мужик, только еще более багровый, без камзола и со сложенным вдвое ремнем вместо букета. Соседкин зад замер вопрошительной руной, жадно прислушиваясь к намечающемуся скандалу.

– Мерзавка! Прохиндейка! Немедленно верни мои бумаги!

Дриада любовно погладила шуршащее декольте. От обломков «кисточки» начало расплзаться льдистое зеленое свечение. Маги Ясневого Града работали быстро и четко, открывая телепорт по активированному маячку; совместная эльфийско-дриадская шпионская служба не зря считалась лучшей в мире.

– Что ты у него взяла?

– Ничего. – Ларрина невинно хлопнула ресницами. – Ничего такого, что могло бы лежать под подушкой у добропорядочного помощника министра. К тому же я была так любезна, что сняла копию, оставив ему оригинал. Ну, ты будешь собираться? Впрочем, у Торессы наверняка найдется все необходимое.

– А с этим нам что делать? – Я ткнула пальцем в окно, покачивающее створками в такт воплям.

Ответить Ларрина не успела: со двора последовательно донеслось «Рррр-гав-гав-гав!», «Баммм!», «Аааа!», «Бух!» и стало тихо.

– Лежит, – философски констатировал Верес, глянув за подоконник. – Гшыха, место!

Рыжая бросила обнюхивать распластанный трофей и, поджав хвост, шмыгнула под крыльцо.

– Я просила так ее не называть, – нервно напомнила я.

– А по мне, очень удобно – одновременно и окликнул, и обругал.

– А если понадобится просто окликнуть?

– Что-то я таких случаев не припоминаю, – честно сказал колдун.

Зеленая лужа приняла идеально квадратную форму и вспенилась столбом света. Дриада вскинула сумку на плечо и нетерпеливо оглянулась на меня. Я все еще колебалась, но тут Верес встал и без слов отдал ребенка Ларрине. Та поудобнее пристроила его на бедре, легкомысленно махнула на прощание и шагнула вперед, исчезнув в яркой вспышке. Колдун привычно отвернулся, я же на минуту ослепла, а когда проморгалась, на полу не осталось даже обломков маячка.

И тут только до меня дошло, что мы натворили.

Я еще никогда не расставалась с Роймом дольше чем на пару часов. В то время как другие матери беззаботно сажали малышей в отгороженный угол, давали им пару игрушек и шли полоть огород, я боялась выпустить его из виду даже на минуту, таская за собой из комнаты в комнату, а на работе усаживая в корзину возле своего стола. «Что, первый?» – как-то раз добродушно поинтересовался у меня хозяин-лекарь. «Нет, второй». «А что ж ты тогда так над ним трясешься?» – удивился он. «Потому и трясусь», – сухо ответила я. Лекарь смущенно кашлянул и больше надо мной не подшучивал. Я даже ночные прогулки забросила, расслабляясь только во время приездов Вереса или Ларрины – дриады обожают маленьких детей и прекрасно с ними управляют.

– Шел, все будет хорошо. – Верес обнял меня за поникшие плечи, и я вжалась в него, как в незыблемую стену. – Надежнее Ясневого Града места нет, и воздух там куда чище городского. Представь, что ты просто отправила малыша погостить к родне.

– Я знаю, – жалобно отозвалась я. – Но мне все равно плохо...

С улицы донесся протяжный, глубоко страдальческий стон.

– Не тебе одной, – хмыкнул колдун, без особого сочувствия поглядывая в окно.

– Сходи, что ли, проверь, как он. – Я взяла себя в руки и высвободилась. – Пойду вещи собирать, теперь-то меня тут ничто не держит... Да и не в том я состоянии, чтобы выслушивать чью-то ругань.

– Сейчас, – пообещал Верес, пряча в сумку книги и пергамент.

– Пустырника накапать? – Я привычно потянулась к полке со снадобьями.

– Зачем? Я ничуть не волнуюсь, – удивленно отозвался колдун и вышел.

* * *

Школа Чародеев, Пифий и Травниц находилась на краю города (на официальных картах ее рисовали даже чуть сбоку – видимо, чтобы не пугать гостей столицы раньше времени). Из-за высокой каменной ограды торчало несколько шпилей, над одним из которых светился здоро-

венный белый шар, на другом висел белорусский флаг, а на третьем – привольно развевающиеся штаны, символизирующие торжество магии над здравым смыслом адептов.

Гшы... Рыжая, ради такого случая взятая на поводок, завиляла хвостом и радостно гавкнула. Вдоль школьной стены навстречу нам шел Ксандр – быстрой, размашистой, узнаваемой издали походкой. Он тоже нас заметил и, остановившись возле ворот, приветственно кивнул, поджидая.

Но подойти и поздороваться мы не успели. Нас обогнала толпа мужиков, по виду – селян из пригородной деревеньки, топчущих по дороге с таким грозным видом, словно в руках у них был нацеленный в школьные ворота таран.

Ксандр, оказавшийся в роли забытого за крепостной стеной воина, почувствовал себя неуютно и замер, не донеся руку до дверного кольца.

В последний миг, когда я уже подумала, что архимага снесут вместе со створками, мужики тоже остановились.

– Это вы тут у вас главный, э? – грозно поинтересовался их предводитель.

– Можно сказать и так, – вежливо согласился Учитель.

Верес рассказывал, что после ухода предыдущего директора на пенсию Ковен никак не может определиться, кого назначить на эту почетную должность, и ее временно занимает Ксандр – единственный, которому она даром не нужна. Это ж даже на день не отлучиться, за такой оравой адептов глаз да глаз нужен! Вот лет через пятьдесят, когда жажда подвигов сменится радикулитом...

– Ну дык вам тогда ответ и держать! – нехорошо обрадовался селянин. Остальные подтянулись поближе и уставились на архимага, как пчелы на заглянувшего в дупло медведя.

Учитель вопросительно сдвинул брови.

– Энтот ваш дракон, – мужик ткнул пальцем в стену, над которой курилась тонкая струйка дыма; аромат крупного зверя и серы ни с чем нельзя было спутать, – друга нашего проглотивши!

– Как?! – опешил архимаг.

Дракона действительно изредка выпускали поразмять крылья (точнее, кто ж ему запретит?), я не раз видела, как он неспешно, с достоинством выписывает круги над Стармином. Но чтобы селян жрать?! Его же в Школе отборной бараниной кормят!

– Кого?!

– А вот его! – Селяне расступились, вытолкнув вперед неказистого мужичонку в замызганной рубахе и рваных на коленях штанах. Съеденный непрестанно трясся и озирался, кинуться наутек ему мешали только могучие груди жаждущих справедливости односельчан.

– Э-э-э... так он же вроде живой? – окончательно растерялся Ксандр.

– Дык дракон его выплюнулши!

– Попрош-ш-шу з-с-саметить! – Над забором приподнялась голова матерого ящера с бугристыми роговыми пластинами и высоким гребнем. – Ес-с-сли бы я дейс-с-ствительно кого-нибудь проглотивш-ш-ш-ши, я бы его вначале прожевамш-ш-ши!

Дракон откровенно развлекался. При всех своих размерах проглотить человека целиком он бы не сумел, а мужик хоть и выглядел пожеванным, но не до такой степени.

Челобитчики с боязливым оханьем попятились, но, увы, притязаний не оставили.

– Он? – деловито уточнил заводила.

Съеденный утвердительно закатил глаза и хлопнулся в обморок.

– Во! – Мужик обвинительно ткнул в «друга» пальцем. Толпа зашебуршала еще громче и сердитей. – Совсем человека извели! Ему теперича на поправку здоровья и двадцати кладней мало будет...

– Ни одной менки не дам! – прозорливо отрезал Ксандр. – Можем разве что похоронить за счет Школы.

Мужичонка живенько очухался и отполз за дружеские спины.

– Тады мы к королю с челобитной пойдём! – пригрозил главный жалобщик, больше настроенный бить чужое чело, чем своим.

Ксандр на минутку прикрыл глаза, считая до дюжины, потом возвел их к дракону, с интересом ожидавшему конца дискуссии, и предложил:

– Рычарг, не мог бы ты ради эксперимента проглотить и выплюнуть кого-нибудь из этих достойных мужей? Если получится, я уплачу двадцать кладней первому потерпевшему, если нет – вдове второго.

Дракон уставился на селян хищно сузившимися глазами и выпустил из ноздрей по дымной струйке.

– Леший знает что, – пробормотал Ксандр вслед поднятой лаптями пыли и наконец вспомнил о нас. – Вечер добрый, коллега. О, Шелена, рад тебя видеть!

– А что случилось? – насторожилась я. Особой дружбы с учителем Вереса я не водила и, порой встречая его в городе, вежливо здоровалась и проходила мимо. Да и вообще подобный восторг со стороны магов меня нервировал, ибо обычно сопровождался несколько иными словами, вроде: «Ага, попалась, гнусная тварь!»

– Ну... – Ксандр потянулся к кольцу на воротах и снова впустую. Дверь распахнулась сама, и на архимага кинулось нечто белое, низкорослое и пухлое, с ходу впившееся в ворот его мантии.

– Опять! – горестно возопило оно, трясая замдиректора, как молодую, но сдуру уродившую яблоню. – Целый пласт сала, свежайшего, с тмином! Пять локтей сарделек! Свиная полендвица, только-только початая! Да сделайте же что-нибудь наконец!

– Вот это и случилось, – скорбно сообщил Ксандр, отцепляя от себя всхлипывающее существо, оказавшееся гномом в поварском халате и колпаке, с перекошенным от горя лицом. – Из школьной кладовой пропадают продукты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.